

Владлен
Чертинов

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

«ПРОЧИТАЛ ЗА НОЧЬ. ЗАХВАТЫВАЕТ».
АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ

Русский город
СОВРЕМЕННАЯ
ПРОЗА

Владлен Чертинов
Воскрешение Лазаря

«Издательские решения»

Чертинов В.

Воскрешение Лазаря / В. Чертинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854769-0

Молодой петербуржец находит в доме недавно умершего деда тайник, а в нем — письмо 73-летней давности, адресованное неизвестному Лазарю Черному. Из любопытства он распутывает эту историю, «воскрешает» жизнь казака Лазаря, бандитствовавшего в донских степях после Гражданской войны. При этом ему открываются тайны собственной семьи, и неожиданно герой оказывается на краю гибели. Свои и чужие грехи, горькая любовь и кровная месть, прошлое и настоящее, смерть и бессмертие сплетаются в тугой узел.

ISBN 978-5-44-854769-0

© Чертинов В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Чужая тайна	6
Письмо из прошлого	7
Французская сука	15
Часть 2	19
Следы	19
Томления плоти	22
Сказка на ночь	27
Герой нашего времени	36
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Воскрешение Лазаря

Владлен Чертинов

Издательство «Русский город»

© Владлен Чертинов, 2018

ISBN 978-5-4485-4769-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сыну Геннадию

*и всем Чертиновым –
живым и ушедшим*

Часть 1

Чужая тайна

*«Чего Ты попросишь у Бога,
даст Тебе Бог» (Иоанн 11.22)*

Человек зажимал ладонью простреленный бок. Он привалился спиной к огромному камню на вершине кургана и смотрел вниз на станицу. В хатах загорались огни, голосили бабы. Там, внизу, лежали два еще не остывших мертвеца. Два его последних мертвеца на родной земле. Морщась от боли, раненый достал из кармана горбушку черствого хлеба и вцепился в нее зубами. Жевал хлеб пересошим ртом, смотрел по сторонам, старался навсегда запомнить этот ночной пейзаж, степные запахи, пение сверчков и ветер, ласкавший разгоряченное тело.

Августовское небо заволкло звездами. Взглянув на них, раненый вспомнил отца. Когда-то много лет назад, в такую же теплую ночь, тот разбудил его – маленького сына, вывел из хаты, посадил на коня и по казачьему обычаю отвез в степь. Там, показав на звезды, сказал: «Это глаза твоих предков».

Отца уже не было в живых. Погибли мать и братья, а родную хату сожгли. Только эти глаза на небе никуда не делись и по-прежнему светились во тьме.

...Мешкать было нельзя. До утра нужно было уйти от станицы как можно дальше. Раненый отшвырнул теперь уже бесполезный револьвер подальше в кусты, заставил себя подняться и пошел к противоположному склону кургана. Перед глазами плыли синие круги, к горлу подступила тошнота. Кое-как доковыляв до края обрыва, человек упал на траву и покатился под откос. Невидимая в темноте, за ним стелилась кровавая дорожка. Шел 1929 год...

Письмо из прошлого

Геннадию Павловичу Каурову все прискучило. Все в жизни складывалось так безоблачно, что хоть волком вой. Уже пятый год в Кремле сидел Ельцин, только что бесславно закончилась первая чеченская война, миллионы людей вокруг перебивались с хлеба на квас, а Геннадий Павлович, директор по продвижению российско-французской фирмы «Гермес», специализирующейся на поставках в город на Неве импортной косметики и парфюмерии, в свои неполные тридцать два года имел все, о чем только мечтать можно: красавицу жену Полину, годовалого сына Ваську, двухкомнатную квартиру в Петербурге, подержанный, но еще не старый «Мерседес-190», зарплату полторы тысячи долларов в месяц. А еще он имел любовницу – настоящую француженку Катрин, которая тоже трудилась в «Гермесе». Многие вокруг Геннадию завидовали, считали везунчиком. А ему все хотелось в жизни чего-то особенного, но чего – он и сам не знал. С некоторых пор приступы непонятной хандры участились. Вот и сейчас, сидя в машине, мчащейся со скоростью 120 километров в час по Киевскому шоссе, Геннадий Павлович пребывал в состоянии ничем не мотивированного пессимизма.

По обе стороны дороги пролетали знакомые с детства деревни. Стояла осень. Было мерзко и слякотно: наверху – тучи, на земле – лужи, посередине – серая тоскливая морось. Так же слякотно было и на душе. Кауров ехал в Лугу и не подозревал, что эта поездка изменит всю его прежнюю жизнь...

Два месяца назад там, в Луге, на 85-м году жизни помер его родной дед Аким. Кауров как сейчас видел перед собой суровое лицо дедушки, даже на скулах покрытое черной щетиной. Там, где щетины не было, кожу вдоль и поперек бороздили похожие на шрамы морщины. Казалось, само время накинulo на лицо деда Акима грубую сеть, пытаясь его смирить. Но дед прожигал эту сеть взглядом своих удивительных огненных глаз. Его яркие желто-зеленые зрачки напоминали два раскаленных угля. Казалось, в душе у деда вечно бушует пожар. Был он тяжелого нрава. Мог прямо при жене Полине назвать Геннадия сопляком. Узнав же, что внук торгует косметикой, матюгнулся и заявил: «Немужчинское это дело». Дед Аким вел себя так, будто внук в чем-то сильно не оправдал его надежд. Они и не виделись в последние года четыре. А ведь когда-то давно, еще до того, как мать с отцом переехали из Луги в Ленинград, маленький Геннадий в дедушке души не чаял. Тот рассказывал ему на ночь сказки про болотных кикимор, забирал из детского сада, а по выходным брал с собой на рыбалку. Там, на речке, дед вел с внуком неспешные разговоры, содержание которых, впрочем, к 32 годам у Геннадия полностью стерлось из памяти.

Даже драться Каурова дед Аким научил. Как-то пятилетний Гена копошился в песочнице. Подошли четверо старших пацанов, стали отбирать у него красивую пожарную машинку. Гена машинку не отдавал и за это впервые в жизни получил удар по лицу. Лежа у ног пацанов, глотая слезы вперемежку с песком, он уже готов был расстаться с любимой игрушкой. Но в этот момент у песочницы возник дед Аким, за которым успела сбегать соседская девочка. Дед не сказал мальчишкам ни слова, просто молча присел на травку. Его присутствие смутило обидчиков и вдохновило поверженного внука. Гена поднялся на ноги и сильно толкнул одного из пацанов. Тот от неожиданности упал. Гена толкнул второго. «Не так делаешь. Бей в морду!» – подал, наконец, голос дедушка. И Генка ударил. Изо всех сил треснул в глаз самому высокому мальчишке. Тот схватился за глаз и заревел. На этом драка закончилась. Дед Аким подошел к внуку и похлопал его по плечу.

Повзрослев, Кауров часто вспоминал этот эпизод. С тех пор драться ему больше не доводилось. Все, кому Геннадий рассказывал о том, что у него была лишь одна драка в жизни, да и то в раннем детстве, сильно удивлялись. Сам же он гордился собой, поскольку был убежден –

умный человек сможет свести на нет любой неприятный конфликт. И, тем не менее, был признателен деду за тот урок.

Позднее, когда внук был в подростковом возрасте, стал дедушка заводить с ним странные разговоры. Один особенно врезался в память Геннадия. Когда после окончания 9 класса он летом гостил в Луге у деда, произошло страшное преступление – кто-то зарезал 25-летнего сына районного прокурора. Тело обнаружили в лесу за городом с ножевыми ранениями. Поговаривали, что убитый был с ног до головы обмотан колючей проволокой, а в спине его торчал осиновый кол. Все только и обсуждали случившееся. Прокурорский сын был известным мажором, представителем золотой молодежи. Ходили слухи, что он занимался фарцовкой – торговал импортными шмотками в Ленинграде у Гостиного двора, и что отец не раз вытаскивал его из разных некрасивых историй. Одни считали, что убитый сам накликал на себя беду своим образом жизни, другие думали, что парень пострадал за отца – кто-то отомстил прокурору за приговор. Но зачем же над мертвым телом глумиться? – гадали жители Луги.

– Тут все ясно как Божий день, – объяснил тогда внуку дед Аким. – Только осиновым колом оборотня убить можно. А прокуроры – оборотни в погонах. Первые слуги злодейской власти. Наша власть полстраны за колючую проволоку пересекает, но себя и своих выкормышей ни за что в обиду не даст. Пусть хоть один из них, хоть после смерти за колючку попадет. Так, думаю я, рассуждал тот, кто прокурорского сына порешил.

Слова деда сильно Геннадия покоробили.

– Ты одобряешь убийцу? – вырвалось у него.

Дед в ответ усмехнулся.

– Ты, Гена, не по учебникам и газетам, а своею головою давай жить учиться. Не торопись хором с другими одобрять или осуждать. Может, и были какие резоны у того, кто это сделал. Может, сынок прокурорский гнусность какую совершил, о которой по молодости лет тебе лучше не знать...

После этого разговора деда как прорвало. Впоследствии всякий раз, общаясь с повзрослевшим внуком, он принимался ругать и разоблачать «злодейскую» советскую власть. Иногда это даже возмущало подростка. «Как он может? Ведь он с фашистами воевал! Ведь у него ордена и медали!» – недоумевал Геннадий, всегда имевший твердую пятерку по истории СССР. Он старался избегать лишней раз общаться с дедом на подобные скользкие темы. Но через несколько лет началась перестройка. И словами деда Акима заговорили газеты и телевизор. У Геннадия, как и у всей страны, на многое открылись глаза. Примерно в те же годы от отца он случайно узнал неизвестные подробности истории с так и не раскрытым убийством прокурорского сына. Оказывается, на каком-то пикнике тот напоил и изнасиловал пятнадцатилетнюю школьницу. В милиции дело замяли. Отец девушки пытался писать письма в разные инстанции, но занимался этим недолго: вскоре его самого посадили за изнасилование – на него написала заявление какая-то алкоголичка. И, конечно, он был бы первым подозреваемым в деле об убийстве прокурорского сына. Но того зарезали, пока отец девушки на зоне сидел.

Даже выражение «оборотни в погонах», которое Геннадий впервые услышал именно от деда, стало со временем общеупотребительным. Выходит, дед Аким во всем оказался прав. Но даже осознав это, Геннадий не стал чаще с ним общаться. Теперь уже из упрямства. Очень уж не хотел признавать правоту деда, давать повод тому учить себя жизни.

Незадолго до смерти старик трижды пытался дозвониться до Геннадия с переговорного пункта, но ни разу не застал дома. Потом от него пришло короткое письмо: «Гена, Вася, Полина, здравствуйте! Соскучился по вас. У меня уродилось много яблок. Приезжайте собирать. И есть, Гена, к тебе разговор». Геннадий удивился посланию. Но поскольку тон письма не был тревожным, решил, что разговор с дедом может и обождать. Так и не собрался съездить в Лугу. Не больно-то ему хотелось дедовских яблок.

...«Жаль старика», – мысленно произнес Кауров, тормозя у покосившейся деревянной хибары на окраине Луги.

«Кто его купит? Глупая затея», – подумал с досадой, взглянув на дом. Неразумная мысль продать дедовскую развалюху пришла в голову отцу Геннадия – Павлу Акимовичу. Но поскольку сам он, начальник 3-й питерской автобазы, был человеком вечно занятым, то в Лугу узнавать, что к чему, отправил сына. Можно подумать, у того свободного времени было больше, особенно сейчас, в преддверии крупной выставки «Мир женщины», на которой «Гермес» должен был участвовать аж пятью стендами.

Геннадий вылез из машины, не без труда отомкнул ключом замок на входной двери. Когда-то давно пришедший с войны дед Аким сам поставил эту избу и привел в нее молодую жену Варю, Генину бабушку. Она была моложе деда на двенадцать лет, а умерла рано, еще в 79-м году, от рака груди.

«Были люди. И нету людей, – подумал Геннадий. – Дом продадим, и вообще от их жизни следа не останется». Мысль о том, что он сам, возможно, и есть главный след жизни этих двух человек, – ему даже в голову не пришла. Геннадий считал себя стопроцентным горожанином-индивидуалистом и не придавал родственным узам почти никакого значения.

Он включил свет и осмотрелся, прикидывая, чего бы из дедова жилища забрать в свою питерскую квартиру. Но, похоже, забирать было нечего. Взору предстали черно-белый телевизор, линялые дорожки на полу, трофейный, привезенный дедом с войны, выцветший гобелен с какими-то пастушками, старые дедовы валенки, притулившиеся возле железной кровати, и прочий хлам, место которому на помойке. Разочарованно присвистнув, Кауров уже собирался снова выйти на свежий воздух, чтобы как следует осмотреть дом снаружи, как вдруг вспомнил, что у деда Акима в кладовке имелся неплохой инструмент. Туда Геннадий и направил свои стопы.

В маленьком чуланчике среди множества банок, коробок и ящичков на стеллажах покоились пять старых коричневых чемоданов с металлическими набойками по углам. Геннадий стащил их на пол. Открыл и остался весьма доволен – благодаря покойному деду, ему теперь принадлежала настоящая домашняя мастерская. Он обнаружил даже электродрель и комплект еще новых победитовых сверл.

Геннадий хотел уже нести инструмент в багажник машины, но вдруг его взгляд наткнулся на что-то необычное. В стене, за стеллажом, как раз в том месте, которое заслонял чемодан с дрелью, зияла дыра размером с ладонь. Обои вокруг нее были неаккуратно и, видимо, недавно оторваны. Кауров просунул руку в отверстие и нащупал какой-то предмет. Выгребая на пол куски штукатурки, извлек из стены жестяную коробочку, перетянутую резинкой от бигудей. Коробочка была из-под каких-то древних конфет под названием «Пионерская помадка».

С легким трепетом в пальцах Геннадий снял резинку, приподнял крышку – в коробке лежал бумажный конверт. Из него Кауров вытряхнул себе на ладонь проржавевшую пулю, извлек листок и фотокарточку. Листок оказался письмом, адресованным какому-то Лазарю Черному, а со снимка на Геннадия смотрела красивая девушка в старинном, пожалуй, еще дореволюционном наряде. Длинная черная коса, перекинута на грудь, доходила ей до пояса. Кончик косы девушка теребила в руках. На ее тонких губах застыло подобие виноватой улыбки, а взгляд глубоко посаженных глаз был немного встревоженным (наверное, это она вспышки испугалась, – предположил Геннадий). Справа фото было обрезано. Вероятно, на изначальном снимке рядом с девушкой стоял еще кто-то. С обратной стороны карточки – все та же надпись «Лазарю Черному» и дата «1922 год». Затем Кауров обратился к письму. Написано оно было химическим карандашом. Это Геннадий определил сразу – в детстве у него был такой: чем больше послынявишь грифель, тем синее он оставит след на бумаге. Автор письма свой карандаш слюнявил часто и вообще очень старался, тщательно прописывал буквы. Крупный почерк явно был женским. Содержание письма Каурова озадачило.

«Здравствуй, Лазорюшка!

Ты теперь далеко. И чего я не послушалась, не убежала с тобой. Клянусь себя за то каждый день. Не ведаю, как и жить дальше с эдаким позором. Мы, верно, больше уже не увидимся, но мечты мои уносятся к тебе. Помни и ты меня, сколько сможешь. Пишу тебе это, а слезы так и льются.

Станицу нашу всю разорили. Сидим ни живы ни мертвы. Наше подворье отобрали. Ничего у нас с отцом теперь нет: ни имущества, ни скотины, ни хлеба. Едим то, что раньше свиньи не ели. Лесок тот, где наша с тобою полянка была, вырубил на дрова, на кладбище все кресты поносили. Гонят людей в коммунию, а по ночам стрельба такая же, как в 1919 году, но только стреляют теперь не белые в красных, а казаки – друг по дружке. Воруют по дворам друг у дружки все, что плохо лежит. Верховодят всем братья Р. Они главные в колхозе. Живут, как и в старые времена, лучше всех. А я молюсь Господу каждый день, чтобы повывел он с лица земли весь этот проклятый род, через который приняла наша станица столько горя. Почему столько хороших людей не стало, а они до сих пор живы? И ребенка я ни за что не буду родить. Ведь он может быть ихний. Хоть бы кто-нибудь их поубивал! Хоть бы ты приехал – поубивал их, Лазорюшка!

Прощай, любимый. Я, должно, скоро из Островской уеду. Папа плох совсем, да и находится здесь долее не вмоготу. Целую тебя в родимое пятнышко на груди. Помнишь, ты говорил, что оно принесет тебе счастье?

*Твоя Дарьюшка,
19 июня 1923 года».*

Закончив читать, Кауров минуты полторы сидел в задумчивости. Он решительно не понимал, зачем дед хранил в доме письмо неизвестной Дарьюшки к неизвестному Лазарю. И не просто хранил, а судя по всему, доставал незадолго до смерти. Иначе чем объяснить столь небрежно вскрытый и не заделанный обратно тайник – большие куски штукатурки валялись на полу, под отверстием в стене, притом что повсюду в кладовке был идеальный порядок. Геннадий пожал плечами, сунул жестяную коробку в карман и продолжил заниматься своими делами.

Худшие опасения оправдывались. Чем дольше он находился в Луге, тем больше понимал, что продавать дедовский дом не имеет смысла. Работники жилконторы и риелторы будто сговорились в своих оценках. Получался замкнутый круг – для того, чтобы более или менее выгодно продать такой ветхий объект недвижимости, его нужно было сначала капитально отремонтировать. Ремонт требовал больших денег. В противном случае стоимость дома можно было смело приравнять к стоимости земельного участка, на котором он стоит. Да вот беда, на участок этот на окраине города мало кто захотел бы польститься. За последние годы оказался он в экологически неблагоприятной зоне – неподалеку от дома выросло с десятков больших несанкционированных свалок.

Мрачный и совершенно измотанный вечером возвратился Кауров в Петербург. Не приласкав жену, не погугукав с сыном Васькой, не позвонив отцу, чтобы рассказать о неутешительных результатах поездки, и даже не приняв ванну, уснул без задних ног.

Снилась Каурову в эту ночь всякая белиберда, а под утро привиделся настоящий кошмар.

Вдруг явился ему дед Аким. Он сидел на краю кровати и осторожно, чтобы не разбудить Полину, тормошил внука за плечо. Когда Геннадий протер глаза, дед встал и, заговорщически приложив палец к губам, поманил его за собой. Он долго возился с замком на входной двери. Эти звуки разбудили Полину. И в тот самый момент, когда дед Аким с замком совладал и скрылся за дверью, жена выбежала в коридор.

– Ты куда? – спросила она Геннадия испуганно.

- Я ненадолго. Меня дедушка зовет.
- Не ходи с ним, – Полина схватила мужа за запястья.
- Не могу. Он меня очень просит.

Геннадий попытался высвободить руки и выйти из квартиры. Но Полина так крепко держала его, что не удавалось сделать ни шага. Кауров разозлился, испугался, что не сможет догнать деда Акима. Начал вырываться, отталкивать от себя жену. Все было тщетно. И тогда он ударил Полину. Та сразу же отпустила его. Перед тем как исчезнуть за дверью, Геннадий увидел стоящую на коленях жену с разбитым лицом. «Вторая драка в жизни», – мелькнуло у него в голове.

Там, за дверью, вместо лестничной клетки оказался темный узкий коридор. Кауров с трудом различал впереди спину старика. Но вот, наконец, в глаза ударил сноп света – это дед Аким отворил дверь в какое-то помещение. Щуря глаза, Геннадий осматривался в четырех стенах. Дед привел его в собственную кладовку, ту самую, где хранился инструмент, и в которой Кауров побывал накануне. Посреди кладовки на животе лежал человек – голый по пояс, в одних смешных старомодных кальсонах. Геннадий хотел спросить, кто это такой, но не мог издать ни единого звука. А сам дед Аким внука, казалось, не замечал. Он склонился к стеллажу, и Кауров увидел в стене отверстие тайника. Старик запустил в него руку и вытащил коробочку «Пионерской помадки». Потом присел на корточки и одним рывком перевернул распростертое на полу тело на спину. Человек в кальсонах был мертв. Слева над сердцем у него зияла кровавая дырка. А на плечах трупа – о боже! – была его, Геннадия Каурова, посиневшая, будто вся разрисованная химическим карандашом, голова. Дед тем временем открыл коробочку, достал оттуда конверт и одну конфетку.

Конверт скомкал в кулаке и поплевал на него, а конфетку положил себе в рот. Дед жевал помадку, а мокрым бумажным комком стирал с лица внука трупные пятна. Потом бил это лицо по щекам. Сложив ладони в замок, давил трупу на грудную клетку, от чего из раны вырывался кровавый фонтан. Этим фонтаном на пол выбросило проржавевшую пулю. Едва Геннадий увидел ее, голова закружилась. Он почувствовал, как у него подкашиваются ноги, как он падает вниз, прямо в кровавую слякоть. В нос ударил омерзительный запах, что-то заклокотало в горле...

И Геннадий проснулся. В комнате горел ночник. Жена сидела на кровати и смотрела на него широко раскрытыми от удивления глазами. Она крепко вцепилась Каурову в правое запястье.

– Гена, да что с тобой? – прошептала Полина. – Ты задыхаешься и хрипишь на всю комнату, как ненормальный. Уже, наверное, целую минуту. Я толкаю тебя, а ты ничего не чувствуешь. Васеньку разбудил.

– Прости, сон кошмарный приснился, – Геннадий оторвал от запястья руку жены, – все нормально, Поля, ну иди, малого успокой.

...Полина давно угомонила ребенка и уже сопела мужу в ухо, а к Геннадию сон все не шел. Он ворочался с боку на бок. Перед глазами все еще стояли окровавленные губы жены, своя посиневшая голова и лицо деда, жующего конфетку. И Кауров не знал, какое из видений страшнее.

Так и проворочался до утра, а, вставая на работу, твердо решил вечером навестить отца, расспросить того как следует о деде Акиме.

Павел Акимович Кауров был похож на покойного деда продолговатым лицом и обилием на нем растительности. Но статью пошел не в него. Был отец Геннадия невысок и пузат. Особенно раздобрел за последние годы, поскольку, вступив в руководящую должность, был вынужден часто решать вопросы за деловыми обедами и ужинами.

Сложив руки на животе, Павел Акимович внимательно прочитал Дарьюшкино письмо и поднял на сына озадаченный взгляд.

– Ну что? – Геннадий не мог сдерживать нетерпения. – Дедушка когда-нибудь рассказывал тебе про станицу Островскую или про Лазаря Черного? Может, это друг его был?

Отец в ответ усмехнулся.

– Да брось ты, какие друзья! Сразу видно, что ты деда своего толком не знал. У него друзей отродясь не было. Не доверял он людям, относился к ним всегда с подозрением. Как зыркнет исподлобья – мороз по коже.

– Разве может быть, чтобы человек совсем без друзей... – начал было Геннадий, но тут же осекся, вспомнил, что у него самого нет ни одного настоящего друга. Легко, сходу завязывая знакомства с людьми, он в какой-то момент вдруг всегда притормаживал. Что-то внутри него начинало бунтовать против чрезмерного сближения с кем бы то ни было. «Может, это такая болезнь наследственная?» – подумал Геннадий. Хотя вот отец, наоборот, пошел в бабушку Варю – был душа нараспашку, имел по жизни много приятелей. Но, кажется, даже он с дедом Акимом не ладил.

– Далась тебе эти друзья! Тут другое в письме интересно, – прервал отец его размышления. – Посмотри, куда она целует его – в родимое пятнышко на груди. А ведь у деда твоего, Генка, на груди было пятно. Слева над сердцем размером с монету.

– Разве?

– Да-да, но только было его не видно – грудь-то у деда волосатая была. Я лишь после смерти, когда тело обмывали, на это пятнышко внимание обратил.

Геннадий задумался.

– С какую монету, говоришь? – спросил он отца.

– С пятидесятирублевую, – усмехнулся тот и, сложив пальцы, показал примерный размер.

– А в каком именно месте было пятно?

Отец ткнул себе пальцем над левым соском. Геннадий вздрогнул – в этом самом месте и точно такого размера была рана на трупе в его сегодняшнем сне. На его трупе... Что за совпадение!

– Так что же это получается, Дарьюшка деду, что ли, писала? – испуганно выдавил он из себя удивительную догадку. – Это дед, что ли, Лазарь Черный?

– Вряд ли, – покачал головой Павел Акимович. – Дед у нас 1911-го года. А письмо датировано 23-м. Ты хочешь сказать, что девушка, – а ей, судя по фотографии, лет восемнадцать-двадцать, – писала двенадцатилетнему пацану, называла его «любимый мой», целовала в грудь и просила убить братьев Р., от которых, возможно, была беременна? Бред какой-то!

– Странно все это, – согласился Геннадий. Хотя куда более странным для него сейчас было все же превращение раны из его сна в родимое пятно из Дарьюшкиного письма. Геннадий перевел взгляд на пулю, лежащую на столе. И у него опять, точь-в-точь как во сне, при одном лишь ее виде голова закружилась. Непонятное дурное предчувствие мурашками побежало по коже.

– ...Хотя, с другой стороны, – рассуждал тем временем Павел Акимович. – Я сейчас вот о чем подумал. Это ты у меня ранний ребенок. А когда я у отца родился, ему уже 36 лет исполнилось. Целая жизнь была позади. Но, если разобраться, ничегошеньки мы про эту жизнь не знаем.

Геннадий почти не слушал родителя. Ему начало приоткрываться что-то важное и пугающее, а голос отца лишь сбивал его с мыслей.

– Как не знаем? – рассеянно спросил он. – Про войну же дед много всего рассказывал...

– Да я вовсе не войну имею в виду, а предвоенную жизнь твоего дедушки. Никогда он о своей молодости не говорил. Где жил? Чем занимался? И как я за все эти годы не догадался его расспросить. Просто в голову не приходило. А еще у нас с тобой по отцовской линии –

ни единого родственника. Там, в Луге, где-то валяется старый семейный альбом. В нем нет ни одной фотографии не то что родственника его, но даже и самого деда в молодости. Мы даже не знаем, где он родился... Черт! (Отец хлопнул себя ладонью по лбу). Наверняка место рождения в паспорте было прописано, а я даже не изучил его толком, когда в загс сдавал перед похоронами! А тут еще пуля эта...

Павел Акимович взял со стола кусочек свинца и стал его изучать. Головокружение усилилось – у Геннадия перед глазами снова поплыли разбитые губы Полины и свое синее, неживое лицо. Пуля же словно была доказательством того, что все это ему не мерещится.

– Длинная. Должно быть, от винтовки, – рассуждал отец. – Специалистам бы показать. В твоей косметической фирме случайно нет знатоков огнестрельного оружия?

Вопрос был задан без всякой иронии, но Геннадия покорило. В памяти мелькнули насмешливые глаза деда Акима, пенявшего ему насчет «немужчинской» работы. Захотелось закончить весь этот разговор.

– Ладно, черт с ними, с пулями. Хотя удивительно, что ты так мало знаешь о собственном отце, – вымолвил Геннадий раздраженно.

Павел Акимович сощурил на сына глаза.

– Ну а ты, Гена, если коснется, много сможешь Ваське про меня рассказать? И жизнь деда тебя раньше не больно интересовала. Если б не нашел это письмо, разве стал бы про него так спрашивать? Ты когда в последний раз в Луге был? У живого деда, а не у мертвого?

Отец был прав. Геннадий давно уже жил своей, отстраненной жизнью, и был, в сущности, плохим сыном и уж тем более внуком. Он лишь изредка перезванивался с отцом или с матерью. Даже Новый год Кауровы встречали порознь в своих квартирах. Только в последнее время стали видеться чаще, благодаря рождению Васьки. Мать Геннадия нигде не работала, и они с Полиной иногда сбавляли ей малыша.

Кауров-младший не выносил семейных разборок. Он слушал отцовскую отповедь с виноватым видом, низко склонив голову над столом – в таком положении она меньше кружилась.

– Вот ты скажи, почему деду своего Василия ни разу не привез показать? – все выговаривал Павел Акимович. – Думаешь, ему не интересно было с правнуком повидаться? Когда ты родился у меня, он, знаешь, как радовался? Я его таким счастливым никогда не видел. Он даже напился в тот вечер, хотя почти непьющий был человек. Все повторял: «Кровь наша не застынет, род не прервется». Просил, между прочим, Яковом тебя назвать. Так что, как видишь, кое-что я все-таки помню.

– Почему ты не согласился на Якова? – Геннадий поднял на отца примирительный, замученный взгляд. Он был уже в полуобморочном состоянии. Ему хотелось поскорее уйти домой.

– С какой стати? – удивился Павел Акимович. – Это же еврейское имя. Мы что, евреи? Я и отцу тогда то же самое сказал. И он ничего мне не стал возражать.

– Лазарь – тоже еврейское имя. Может, дед все-таки евреем был? Он ведь вон какой... черный!

– Каким еще евреем? Он и не любил их. Наставлял меня: «Хочешь ударить еврея, бей ему по кошельку!». Нет, похоже, не разгадать нам эту загадку.

Последней фразой Павел Акимович подвел под разговором черту.

– Давай лучше чаю попьем, – сердито сказал он. И потянулся к вазочке на столе. Достал оттуда конфетку. Геннадий с ужасом наблюдал, как отец засовывает ее себе в рот – жуткий сон окончательно перемешался с реальностью. И тогда он впервые в жизни – наяву, а не во сне, – упал в обморок.

...Очнулся быстро, от острого запаха нашатыря. Отец и мать склонились над ним. Их взгляды были испуганны. Геннадий протянул им навстречу сразу обе руки, и родители своими теплыми прикосновениями выдернули его назад, из сна в явь – из того мира в этот.

Прошел месяц, другой. Вся эта история периодически всплывала в памяти Каурова, неизменно оставляя на душе неприятный осадок. Он даже чувствовал легкое зудящее покалывание слева, над сердцем – в том самом месте, где у деда было родимое пятно, а у трупа – рана. Хотелось расчесать, разбередить этот зуд. Хотелось узнать хоть что-нибудь про Дарьюшку и Лазаря Черного. Но единственное, что предпринял Геннадий – зашел на почту, взял пухлый растрепанный алфавитный указатель населенных пунктов и, раскрыв его на букве «О», обнаружил там несколько поселков с названием Островский и сел с названием Островское, но станция Островская оказалась только одна. Она находилась в Даниловском районе Волгоградской области. Это была вся дополнительная информация, которую Геннадий смог добыть собственными усилиями. А что делать дальше, понятия не имел. А тут еще случилась беда, которая заслонила собой все остальное. Виновницей несчастья стала француженка Катрин Жерарден, с которой Геннадий вместе работал, а иногда и спал.

Французская сука

Завязывая отношения с Катрин, Кауров и не подозревал, что их легкий, ни к чему не обязывающий роман так прискорбно закончится. 23-летняя заграничная девочка напоминала большого испорченного ребенка. Короткая мальчуковая стрижка с челкой на лбу, капризно вздернутый носик, подростковая нескладность фигуры – все удивительным образом приковывало внимание к этому щуплому и в общем некрасивому созданию женского пола.

В первый же день своего появления в фирме – ее специально выписали из Франции в качестве франкоязычного референта – Катрин почему-то выделила Каурова среди остальных гермесовских мужчин и зашла к нему в кабинет поболтать.

– Привет, – запросто обратилась к Геннадию вся увешанная причудливыми серебряными украшениями французская пацанка.

– Привет, – Кауров выжидательно уставился на девушку.

– Странный чувство, еще вчера я гулять по Париж, смотреть Монмартр, пить вино Сен-Клу, а сегодня – здесь, Россия. Но я совсем не знаю русских мужчин. Хочешь быть у меня первый? – Катрин с улыбкой выпалила эту фразу, как какую-нибудь скороговорку.

У Каурова никогда отношения с женщинами не завязывались подобным образом. Поэтому он растерялся. Замешкался с ответом всего на несколько секунд, но его неуверенность не укрылась от этой чертовки.

– Ну и как Вам у нас в «Гермесе»? – не отвечая на вопрос девушки, произнес Кауров с глупым видом глупую фразу.

Катрин на это только рассмеялась и, звякнув серебром в ушах, выпорхнула из кабинета.

Геннадий стыдился своей нерешительности. Жалко было упускать эту девочку, а как подойти к ней после утреннего дурацкого разговора, он не знал. И все-таки смог себя превозмочь. В конце дня усилием воли заставил свои ноги двинуться к рабочему столу Катрин Жерарден, а челюсти – медленно разомкнуться, и выдавил из себя:

– Ну что, пошли?

– Куда? – французенка подняла на Каурова кроткий взор.

– Куда-нибудь.

Геннадий еле ворочал языком, а его пальцы выстукивали по монитору Катрин нервную дробь. Но девушка не была настроена затягивать эту пытку. Она проворно выключила компьютер, подхватила сумочку и первая направилась к выходу, по дороге так нежно улыбнувшись Каурову, что тот сразу же овладел собой.

Коллеги отправились в ресторанчик «Идиот» на набережной Мойки – место, часто посещаемое иностранцами. Там среди книжных полок, потертых диванов и старинных светильников с абажурами Кауров развернул перед французенкой свой павлиний хвост. То и дело подливая девушке шампанское, он что-то увлеченно рассказывал про современную петербургскую жизнь, про фирму «Гермес» и про то, как хорошо идет этот бизнес в России после того, как русские женщины дорвались, наконец, до настоящей косметики. При этом не забывал то восхищенно, то проникновенно заглядывать девушке в глаза, временами ласково касаясь пальцем ее руки. А потом отвез Катрин на Васильевский остров, где фирма сняла ей однокомнатную квартиру.

Их одежда осталась лежать в прихожей. А два причудливо свившихся голых тела катались в комнате по ковру и все никак не могли накататься. Партнерша вела себя энергично. Пищала, шипела что-то по-французски Каурову в ухо. И даже несколько раз укусила его в это ухо. Словом, в жизни Геннадия началось настоящее любовное приключение, и он долго испытывал к Катрин чувство глубокой признательности. Вплоть до того самого дня, когда разразилась беда.

Французенка, обкурившись марихуаны, позвонила ему на квартиру и не застав на месте, устроила Полине настоящий семейный скандал. Она надрывно кричала в телефонную трубку «я тебе его не отдам», называла жену Геннадия «змеюгой» и грозила увезти возлюбленного к себе в Авиньон.

Возвратившись домой в тот роковой вечер, Кауров нашел жену рыдающей на кухне. Минут двадцать он тормозил ее, пытаясь добиться, что же случилось. Полина закрывала зареванное лицо ладонями и на все расспросы мужа отрицательно мотала головой. Лишь после того, как Геннадий нацедил ей в стакан валерьянки и силой заставил выпить, она, сглатывая слезы, наконец, выдала из себя:

– Ты спишь с Катрин.

– Да что с тобой, Поля? – Кауров как мог изображал на лице недоумение, судорожно прикидывая, что делать дальше.

– Ты спишь с Катрин, – повторила Полина.

– С чего ты взяла?

– Она сама сказала мне это по телефону. Час назад.

Да, дело было дрянь. «Ну сука! Проклятая французская сука», – подумал Геннадий. Ему захотелось прибить эту иностранную гадину.

– Полина, пожалуйста, успокойся, – Кауров старался говорить как можно убедительней. – Если ты расскажешь, что произошло, возможно, я смогу тебе все объяснить.

– Она сказала, что вы уже полгода занимаетесь сексом у нее на квартире, а два раза даже делали это в туалете кафе «Идиот». Что ты великий любовник и больше всего любишь делать ей это сзади. Что она, в отличие от меня, всегда испытывает с тобой оргазм, и поэтому не собирается тебя никому отдавать.

Все. Дальше можно было не продолжать. Французенка выболтала слишком много. Кауров понял, что надо «сдаваться». «Ну вот, монотонное однообразие твоей жизни и подошло к концу», – мысленно изрек разоблаченный любовник, а вслух мужественно произнес:

– Прости, Полина. Мы встречались с ней только месяц. Потом я послал ее подальше, вот она и бесится. Просто захотел попробовать с иностранкой. Попробовал и понял – ничего в этом нет особенного. Дурак был... прости!

– Что мне твое «прости»? Посмотри на себя в зеркало, твое вранье отпечатано у тебя на лбу. Ты предал меня. Боже, как гадко...

Несколько секунд муж и жена сидели молча. В полной тишине. Было даже слышно, как этажом ниже кто-то спустил воду в унитазе. Потом Полина поднялась со стула и сказала куда-то в пространство: «Ты слишком хорошо жил все это время. Теперь будешь жить по-другому».

Геннадий не сводил глаз с жены. Он не выносил женских слез, но, странное дело, заплаканное лицо Полины показалось ему удивительно красивым. Мокрые карие глаза блестели черным жемчугом, широко очерченные ноздри гневно раздувались, как у породистой лошади после скачек, несколько каштановых локонов трогательно прилипли к мокрым щекам. Кауров впервые за те шесть лет, что они прожили вместе, взглянул на жену как-то по-новому.

Полина ушла в комнату к Ваське, а Геннадий остался сидеть на кухне, обдумывая создавшееся положение. Он слишком хорошо знал себя и боялся, что не сможет долго жить с муками совести, что чувство вины перед Полиной будет теперь каждый день разъедать его изнутри, и этот душевный разлад в конце концов обернется неприязнью к жене, еще больше оттолкнет их друг от друга. Так уж он, Кауров, был устроен – совершенно не мог переносить собственной подлости.

Но с чего бы это его, такого «великого», жизнь, как слепого щенка, ткнула носом в собственное дерьмо? Не найдя ответа на этот философский вопрос, Геннадий вышел на балкон и закурил сигарету. На небе было так много звезд, что у него при других, менее прозаических

обстоятельствах обязательно бы дух захватило. Звезды стелились по верху белым блестящим ковром. Кауров никогда не видел их столько над Питером...

Полина больше не устраивала Геннадию сцен. Она просто перестала с ним разговаривать. В квартире повисла тяжелая туча. В первые дни конфликта Кауров то и дело заговаривал с супругой, делал виноватое лицо, старался приходить пораньше с работы... Ничего не помогало. Постепенно пребывание в собственном доме стало для него пыткой. Он даже телевизор нормально смотреть не мог.

Через пару недель размолвка с женой настолько психологически вымотала Геннадия, что он стал под разными предлогами задерживаться на работе, все чаще ловил себя на мысли, что больше не любит Полину. Ну и в конце концов снова сошелся с Катрин. Только теперь он таскался к ней не за сексом и даже не за душевным теплом. Геннадию казалось, что его привлекает не столько Катрин, сколько ее квартира – а точнее, тот уголок, где он может отдохнуть – полежать в ванной, посмотреть телек, наконец, поспать и какое-то время не думать о своем семейном несчастье. Влечения к француженке он мог достичь теперь не иначе, как осушив полбутылки коньяка или выкурив хороший косяк травы. В некоторые такие моменты Каурову даже хотелось жениться на Катрин и уехать с ней в теплую Францию – страну развитого капитализма. Он все чаще стал заговаривать с девушкой на эту тему. Впрочем, Катрин даже в пьяном и обкуренном виде не говорила ни «да», ни «нет». Связь, установившуюся между ними после скандала с Полиной, нельзя было назвать ни романом, ни близостью. Это было то, что в милицейских протоколах обозначается словом «сожительство». Каурова такие отношения вполне устраивали, а вот Катрин со временем поскущела. Она стала уклоняться от выполнения интимных обязанностей, притом что Геннадий не особенно ей этим и досаждал. А в один прекрасный день и вовсе отказалась впустить его к себе в квартиру:

– Иди к жене. С тобой было хорошо. А теперь ты мне надоел.

Услышав такое, Геннадий расвирепел, изо всех сил забарабанил в закрытую дверь ботинками и кулаками. Но как только Катрин пригрозила вызвать милицию, сразу же стих. Плюнул в сердцах на резиновый коврик у порога. И понуро побрел вниз по лестнице. В подъезде на стенах повсеместно красовались намалеванные подростками неприличные слова. И все они были про него – про Каурова.

В эту ночь он не поехал домой. Ночевал в машине, остановившись наугад на какой-то темной неведомой улице. Поутру появился в «Гермесе» помятый, несвежий, с щетиной на подбородке. Старался не сталкиваться глазами ни с кем, а особенно с Катрин, и даже в обед не вышел из своего кабинета. Заходили коллеги – спрашивали, все ли в порядке. Кауров едва сдерживался, чтобы не послать их подальше. А когда в конце дня к нему заглянул сам генеральный директор Кацнельсон, Геннадий был уже на грани нервного срыва. Впрочем, он заставил себя улыбнуться шефу. К счастью, тот повел речь не о внушающем тревогу внешнем облике своего заместителя, а совсем о другом – о начале массивной кампании по продвижению продукции французских косметических фирм в крупнейших российских городах.

– Кончилась, Геннадий Павлович, ваша спокойная жизнь, – заявил Кацнельсон, даже не подозревая, насколько был прав. – Отныне вам предстоит часто выезжать в служебные командировки.

Это известие пролилось бальзамом на душу Каурова, потерпевшего поражение на всех личных фронтах. Наполнить жизнь каким-нибудь новым смыслом, уехать подальше из постылого Питера и не возвращаться как можно дольше, глотнуть свежего провинциального воздуха – что может быть здоровее для его измотанной психики!

– Мы тут с французскими партнерами посоветовались и определили шесть наиболее важных для нас городов. Ну а откуда начинать, так сказать, экспансию – Вам, директору по продвижению, решать, – сказав это, шеф положил перед Кауровым пять страничек машинописного

текста на фирменном гермесовском бланке под названием «Стратегия регионального развития в 1997 году». Геннадий пробежал документ глазами. В конце, вслед за общими тезисами «стратегии», в списке приоритетных городов значились Нижний Новгород, Новосибирск, Екатеринбург, Самара, Волгоград и Ростов-на-Дону.

Увидев среди других городов Волгоград, Кауров сразу вспомнил о странной находке в доме деда Акима. Снова вспомнил свою синюшную мертвую голову, рану на месте родимого пятна, разбитые губы Полины... И вдруг сделал открытие: а ведь тот его сон уже начал сбываться! Он нанес Полине удар наяву! Первая часть ночного кошмара оказалась пророческой. Исполнения второй части Геннадий ни в коем случае не хотел. Необъяснимый страх снова подкрался к нему. Но это был странный, зудящий, притягательный страх. Подобно человеку, который, стоя над пропастью, смертельно боится высоты и одновременно борется с желанием прыгнуть вниз, Каурову захотелось нырнуть в самый омут тайны Лазаря Черного.

– Что с вами? – обратился к нему Кацнельсон. – Мое предложение вас как будто встретило.

– Нет, нет. Это очень своевременный шаг, – поспешил успокоить шефа Геннадий. Он действительно так считал. Где-то под Волгоградом таилась разгадка письма из дедовского тайника. И, возможно, разгадка всех этих непонятных страхов и вещей снов, отравивших его прежнюю, такую хорошую и безмятежную, жизнь. Чем сидеть, сложа руки, в ожидании новой беды, не лучше ли воспользоваться подвернувшимся случаем, отправиться в Волгоград и попытаться распутать это темное дело?

Геннадий посмотрел на шефа с благодарностью. Предложи Кацнельсон этот свой список месяц назад, Кауров долго бы над ним раздумывал. Но сейчас он решительно взял со стола маркер и очеркнул им среди других городов Волгоград, не сомневаясь, что в ближайшие дни придумает много доводов в пользу своего выбора.

Часть 2

Следы

*«Давно ли иудеи искали побить Тебя камнями,
и Ты опять идешь туда»
(Иоанн 11.8)*

Старика Каурова вешали на большой яблоне. Той, которую он в молодости сам посадил у себя во дворе на Диком хуторе...

В этих местах кроме него давно уже никто не жил. Летом 19-го года на хуторе был сильный бой. Почти все хаты разрушило артиллерийским огнем, с тех пор повсюду в высокой траве валялись лошадиные кости и ржавые гильзы снарядов. И вот, спустя десять лет, в эту глухомань снова наведальсь вооруженные люди. Они сразу окружили единственный целый кауровский дом. Прятались за деревьями в саду. Лязгали затворами, еле слышно переговаривались. Старик Кауров наблюдал за их приготовлениями через щель между ставнями. Потом взял со стола потертую старую Библию, присел на сундук и, перекрестившись двумя пальцами, беззвучно зашевелил губами.

... – Эй, Лазорька, пес, выходи с поднятыми руками. Мы знаем, что ты там, – крикнули из сада.

Старик усмехнулся и продолжил читать молитву. Его крестник Лазарь был уже далеко. Три дня назад тощий конь вынес обессиленного окровавленного Лазаря к Дикому хутору. Старик напоил его калмыцким чаем, промыл рану травяным отваром.

Лазарь был последним в роду и, наверное, поэтому таким везучим. Еще шесть лет назад в здешних краях о его везении ходили легенды. Малочисленная Лазорькина банда из таких же, как он, молодых казаков, появляясь то тут, то там, дерзко нападала на обозы с зерном, поджигала станичные и хуторские советы, убивала из засад красноармейцев и активистов коммуны, калечила обобществленный скот и всякий раз уходила от устраиваемых облав. Сперва эту ватагу водил Буянов-старший, но его настигла красноармейская пуля. После этого осталась в банде одна молодежь, большинство из парней подалось в лес, не желая идти в Красную армию. Ну а там, в лесу, сама жизнь и необходимость добывать пропитание сделали их лихими людьми. А Лазарь Черный выдвинулся у них в предводители. И даже когда дружков поотстреливали, и остался Лазорька один-одинешенек, он еще несколько месяцев не унимался. Как беиный волк рыскал по окрестным лесам и балкам, лютровал почем зря. На хуторе Романове подраненного чекиста сбросил в колодец, писарю Вацюку из Даниловской слободы отрезал голову. Тихона Речкина, сторожившего амбар с колхозным зерном в станице Малодельской, пригвоздил итыком к березе. Заговорили о том, что бандит потерял рассудок. Старишки, заслышав фамилию Черный, начинали креститься. А потом Лазарь вдруг исчез. Шли годы, шла коллективизация, шли на Восток эшелоны с раскулаченным народом. Стали люди Лазорькины «подвиги» забывать. А он возьми да и объявись снова спустя шесть лет на заброшенном хуторе, истекающий кровью и все такой же везучий.

Его рана оказалась неопасна. Старик Кауров прокалил на огне сапожное шило и выковырял из Лазорькиного тела кусочек свинца. Почти сутки Лазарь, потерявший много крови, лежал в беспамятстве. В бреду звал отца. Очнувшись, с недоумением посмотрел на Каурова и спросил: «Я убил их?»

– Кого? – осведомился старик.

Но Лазарь уже окончательно пришел в себя и ответил:

– Сон дурной привиделся.

Старик так ни о чем и не спросил нежданного гостя. Сам же Лазарь о себе не шибко рассказывал. «Я теперь далеко живу, а сюда вернулся, чтобы кое с кем повидаться», – вот и все, что он считал нужным сообщить о себе.

Они простились вчера вечером за Куржиной балкой. Лазарь был еще слаб. Опершись о плечо старика, он с трудом взобрался на коня. Ударил его пятками в бока и растаял светлым пятном в темноте...

... – Христос воскрес, ад пленится, проклятая сатанинская сила победится. Аминь! – закончил вслух дед Кауров свою молитву. И закрыл глаза. В печной трубе волком завывал ветер. Вдруг раздался грохот выстрела. Пуля пробила закрытую ставню и шмякнулась в стену. Вслед за первым выстрелом загремели другие... Деревянные ставни заходили ходуном и быстро стали похожи на решето.

Внезапно стрельба прекратилась. Тотчас же по крыльцу застучали сапоги. Дверной засов вылетел с первого же удара. В горницу ввалились три человека в вылинявших гимнастерках с трехлинейками. Они дико озирались по сторонам и мгновенно наполнили дом запахом своего пота. Заметив посреди горницы дверь погреба, откинули ее, принялись наугад палить вниз из винтовок. Потом напряженно замерли над дырой в полу.

В комнату заходили новые люди. Они уже заполнили собой всю хату. Не обнаружив в погребе трупа Лазорьки, красноармейцы вспомнили о Каурове. Молча плотной стеной обступили деда, сидящего на сундуке. Потом их ряды расступились, и вперед вышел рыжий старик с маленькими злыми чуть раскосыми глазками. Лицо его было очень знакомо Каурову. Рыжий старик сходу сильно ткнул ему в челюсть стволом нагана. И тут же отошел на полшага из опасения, что Кауров забрызгает кровью ему сапоги...

– Где крестничек? – спросил рыжий.

– Не ведаю, – прохрипел Кауров, отплеываясь. Кровь сгустками сваливалась у него изо рта.

– Давно ушел Лазорька? – допытывался рыжий.

– С неделю как.

Каурову хотелось лечь и закрыть глаза. Он и врал-то нехотя. Для того только, чтобы по сильнее запутать Лазорькиных преследователей.

– Пешком ушел или на лошади?

– Пехом.

– Врешь, собака! В сарае – навоз еще не застывший. На лошади он. Правду говори.

Кауров молчал.

Тогда рыжий снова ударил его. На этот раз в ухо. Кауров упал с сундука. Его подняли за шиворот. Рыжий пытался докричаться до него, продолжая наносить удары. Кауров почти не чувствовал боли. Вот только все силы куда-то ушли, а в ушах стоял звон. Сквозь этот звон до него долетели слова.

– Кончай, Филат. Ничего он тебе не скажет. Али не видишь?

В этот момент Кауров вспомнил рыжего старика. Это был даниловский, родом из хохлов, родственник казаков Рогачевых, живших в станице Островской. Семья Рогачевых в годы гражданской войны сразу встала на сторону красных и устанавливала в округе советскую власть. Два брата Николай и Степан были красными командирами, а в слободе Даниловке, населенной выходцами с Малороссии, жила их родня. Там же нынче находился красноармейский штаб, рассылавший по всей округе отряды по борьбе с казачьим бандитизмом. Вслед за этими отрядами тянулись обозы с даниловскими бабами и мужиками. Они вывозили из хуторов и станиц отобранное у семей казаков-контрреволюционеров имущество, оседавшее потом в хозяйствах украинцев. Рогачевский родственник дед Филат был у этих обозни-

ков из Даниловки вроде интенданта... При других обстоятельствах Кауров удивился бы, чего это Филат стал у красных за главного. Но теперь даже на то, чтобы удивляться, у него не было сил.

Еле живого Каурова подхватили под руки и выволокли из хаты. На улице шел сильный дождь. Крупные капли били в лицо, рубаха вмиг превратилась в мокрую тряпку. Двое мужиков в шинелях оттащили Каурова к старой яблоне и оставили там. Сами, сгибаясь под дождем, ломанулись к сараю через посадки огурцов. Кауров постоял немного, опершись руками об яблоневый ствол. Потом медленно осел в холодную лужу. Ему хотелось только одного – чтобы все поскорее закончилось.

Красноармейцы вернулись из сарая с разрубочным чурбаком и испачканной давно засохшим навозом старой веревкой. Один из них влез на чурбак, стал привязывать ее к самой толстой ветке.

– Ну, молись, дед, – шепнул другой. – Сейчас с ангелами увидишься.

Каурова поставили на чурбак. От размокшей петли пахло лошадьё. Дождь смывал кровь с разбитого лица старика. Двое красноармейцев поддерживали его под руки. Кауров хотел посмотреть на небо, да не успел. Чурбак выбили у него из-под ног. Дерево сильно трянуло. Раздался жалобный скрип. Последним, что старик Кауров увидел в своей жизни, были падающие в грязную лужу большие красные яблоки.

Томления плоти

Геннадий Кауров ехал в поезде и смотрел на припорошенную снегом степь. За окном, насколько хватало глаз, простиралась холодная даль, кое-где разорванная оврагами. От этого однообразного пейзажа Каурова клонило в сон. А кроме того, ему, столичному жителю, привыкшему передвигаться в узких, худо-бедно снабженных комфортом пространствах, безбрежные донские просторы внушали тревогу. Когда вокруг тебя одна только голая степь и в ней даже спрятаться негде, возникает ощущение, что всем твоим городским достижениям – грош цена. Должно быть, примерно так чувствует себя на плоту в океане какой-нибудь чудом спасшийся после кораблекрушения пассажир первого класса.

Кауров задернул штору на окне. И почти любовно посмотрел на громоздящийся на столике натюрморт. Наполовину початая бутылка «Белого аиста», две плитки швейцарского шоколада, упаковка крекеров, сырокопченая колбаска, равно как и купленный на станции Лиски жареный цыпленок с румяной корочкой, радовали глаз, напоминали об иной, куда более приятной реальности. Глядя на это маленькое изобилие, было совсем нетрудно представить себя главвоенмором товарищем Троцким, разъезжающим в бронированном спецвагоне по фронтам Гражданской войны. Тем более, что фронты эти где-то в здешних местах и проходили. «Удивительное дело, – подумал Геннадий, – столько лет минуло, а на Дону теперь снова контрреволюция. Только с обратным знаком».

Волгоградская область, как и весь Юг России, входила в так называемый «красный пояс». А красных Кауров, после того как в стране началась перестройка, очень не любил. Людей, сочувствующих коммунистам, он считал упертыми и неумными. Вот из-за таких, из-за всей этой огромной закостенелой массы народа, привыкшей жить по старинке, реформы в стране, по мнению Каурова, и шли слишком медленно. Согласно результатам всех последних выборов, враги реформ составляли подавляющее большинство населения Волгоградской области. И, следовательно, попадались Геннадию повсюду. Он с любопытством вглядывался в их лица на станциях. Эти враги большей частью были неважно одеты. С плохими зубами. Зычно разговаривали и лужгали семечки. Они встречали и провожали своих родственников, путешествующих плацкартными вагонами. Пытались продать пассажирам поездов пирожки, малосольные огурцы и пакеты с вареной картошкой...

Чем больше петербуржец Кауров наблюдал обитателей «красного пояса», тем больше осознавал свою поездку в Волгоград делом огромной просветительской важности. Только насыщение глубинки западными товарами, проникновение на местный рынок западных компаний, полагал он, способны приучить здешних аборигенов к высоким жизненным стандартам, заразить их духом здорового предпринимательства. Но были у поездки и другие, сугубо личные цели.

Кауров все еще не передумал побывать в станице Островской, хотя и не знал, удастся ли ему на это выкроить время. Он ведь даже не имел представления, где именно в Волгоградской области ее искать – не удосужился перед отъездом заглянуть в какой-нибудь атлас. Вдобавок Геннадий позабыл взять с собой письмо и фотографию, найденные в дедовском тайнике. Его сбила с мысли Полина. В тот момент, когда ему нужно было выезжать на вокзал, она, будто нарочно, забрала Ваську и куда-то ушла. Так что Кауров даже с сыном не попрощался.

Покидал квартиру в бешенстве и почти был уверен, что у него с ЭТОЙ ЖЕНЩИНОЙ уже никогда ничего не наладится. В отличие от предыдущих дней затянувшейся размолвки, мысль о разводе больше не страшила Каурова. Более того, пока он ехал в лифте, в его гневном сердце зародилась новая мечта. Нестерпимо захотелось встретиться в Волгограде какую-нибудь светлую, хорошую девушку – юную, неиспорченную провинциалку – и умыться в ней, как в чистом прохладном ручье. Кауров жаждал новых чувств, а, возможно, и новой семейной

жизни. Поэтому он не поленился зайти в ближайшую к дому аптеку – прикупить пару пачек презервативов в дорогу.

...Волгоград Каурову не понравился. Узкой кишкой вытянувшийся вдоль Волги, он казался каким-то ненастоящим, бутафорским. В центре города, некогда стертом с лица земли фашистскими бомбардировками, не осталось ни одного старинного здания. Зато было много сталинских домов послевоенной постройки, и вся эта «сталинщина» давила на психику. Гордость города – бетонная Родина-мать чудилась Каурову злой великаншей. Городской скоростной трамвай казался жалкой пародией на метро. Супермаркеты и ночные клубы по сравнению с питерскими выглядели непритязательно...

Зато с перспективами распространения французской косметики все обстояло как нельзя лучше. Сразу пять авторитетных местных фирм изъявили желание представлять интересы «Гермеса». Все пять вечеров Геннадий провел в ресторанах, ужиная по очереди с первыми лицами компаний – соискательниц выгодного партнерства. К вечеру пятницы от обильной ресторанной пищи у петербургского гостя начало пучить живот.

Геннадий предложил всем пяти руководителям к понедельнику представить бизнес-планы совместной с «Гермесом» коммерческой деятельности. Загрузив уважаемых людей писаниной, сам вознамерился как следует отдохнуть. Решил, что он, как никто в этом городе, заслужил право на отдых. Едва утром в субботу протер глаза ото сна, сразу же стал размышлять над тем, как лучше этим правом распорядиться.

Ему пришли в голову всего две мысли: поехать в станицу Островскую на поиски следов Лазаря Черного или отправиться в самое лучшее волгоградское казино. Возможно, разгадка дедовской тайны была всего в нескольких десятках километров от города. Но Каурову что-то расхотелось тащиться неизвестно куда. Да и как-то подуспокоился он насчет всей этой истории. Связанные с ней страхи и дурные предчувствия теперь казались надуманными, – слишком уж он тогда из-за разрывов с женой и любовницей перенервничал. К тому же сильно похолодало. Геннадий вспомнил увиденный из окна поезда бесприютный степной пейзаж и настолько живо представил себя бредущим в такую погоду по заснеженной пустынной дороге, что у него стало зябко на душе. Он даже плечами передернул, лежа под одеялом. И твердо решил: «Никуда не поеду», сделав выбор в пользу казино. Правда, пока еще не знал, с кем туда отправиться. Он теперь корил себя за то, что был чересчур занят на неделе и заблаговременно не позаботился о партнерше. «Да что я, бабу себе на вечер не найду?» – бросил Кауров вызов собственному самолюбию. Он решил высмотреть на улицах чужого города, а затем увлечь с собой в казино и далее в постель милую, стройную, умную, а самое главное, порядочную волгоградскую девушку.

Погода не располагала к длительному фланированию на свежем воздухе. Влажный морозный воздух забирался в штаны, и Геннадий пожалел, что не надел теплые шерстяные кальсоны. Прогулявшись взад и вперед по одному из главных проспектов, он окоченел. Все красотки, наверное, еще спали. Чтобы хоть как-то согреть внутренности, решил на неординарный поступок – купил в табачном магазине дорогущую гаванскую сигару. Шел глотал злющий кубинский табак, пускал себе в нос ароматный дым. Теплее не стало...

Наконец, в одном из центральных скверов Кауров заметил симпатичную художницу. Девушка рисовала какой-то этюд. Рядом с ней несколько картин были явно выставлены на продажу. Художница периодически вынимала ладони из тонких вязаных варежек, согревала дыханием окоченевшие пальцы. Геннадию захотелось окружить теплом это замерзшее очаровательное существо. Подойдя к девушке, он ткнул наугад в одну из картин. На ней были изображены шесть танцующих пингвинов.

– Сколько стоит это полотно?

– Тысячу рублей.

Кауров достал бумажник и, отсчитывая купюры, сходу предложил девушке познакомиться.

– Меня зовут Геннадий. Прибыл из дождливого, но прекрасного Санкт-Петербурга. Представляю интересы французских косметических фирм – «Л'Ореаль», «Гарньер», «Мэйбеллин». Я бизнесмен, директор по продвижению.

Кауров немного подумал и добавил: «Не женат».

Художницу звали Мариной. Заслышав магические французские названия, девушка посмотрела на Геннадия с интересом. Однако проследовать с ним в ближайшее кафе «Мечта», чтобы согреться и «помечтать вместе о чем-нибудь хорошем», отказалась.

– Спасибо за приглашение. Но я одного человека жду.

Кауров уговаривал художницу минут десять – до тех пор, пока на дорожке сквера не появился шуплый парнишка с мольбертом под мышкой, по виду студент.

– Я жду тебя, наверное, уже полчаса, – упрекнула девушка своего приятеля, – вот успела даже твоих пингинов продать.

«Так это картина ее ухажера!» – возмутился Геннадий в душе.

Студент в ответ на радостное известие лишь недобро сверкнул на него глазами, что-то невнятно промычал и стал сосредоточенно раскладывать мольберт. Все трое испытали неловкость.

Делать было нечего. Чтобы не покинуть поле боя мгновенно и не создать у студента иллюзию полной победы, Кауров не спеша прикурил сигару, смачно пару раз выдохнул дым.

– Ну ладно, так я пошел, Марина, – произнес Геннадий и многозначительно добавил: – До встречи.

Он брезгливо опустил купленную картину в ближайшую урну. И с гордо поднятой головой проследовал в кафе «Мечта». Там заказал себе кофе и сто грамм коньяка. Басы громкой музыки приятно отдавались в позвоночнике, мозги медленно размягчались... Кауров положил глаз на официантку кафе – крутобедрую девицу в белом переднике, присевшую у барной стойки. Подошел к ней. Наклонился с таким расчетом, чтобы девушка уловила аромат парфюма «Хьюго Босс», которым он утром в гостинице обильно попрыскал шею. И спросил с ироничной уверенной улыбкой:

– Скучно?

– Немножко, – охотно отозвалась девушка, поводя носом и улыбаясь в ответ. Вблизи при свете ее лицо показалось не столь привлекательным. Нос и подбородок были толстоваты. Зато пухлые сочные губы пылали яркой помадой и дышали чувственностью. Что ж, ради этих губ стоило продолжать игру.

Девушка не отвергла предложение пойти в казино. Но и твердого согласия не дала.

– Видно будет, – игриво сощурила она глазки на Каурова. – К половине второго ночи приходи. Мы работаем до часа. Потом еще прибраться надо.

Похоже, поход в казино откладывался на глубокую ночь. К тому же, когда официантка меняла позу и закидывала ногу на ногу, Кауров заметил, что колготки на слегка заголившемся правом бедре девушки в двух местах были заштопаны. Геннадию это совсем не понравилось! И потом, что означает это ее «будет видно»? Вдруг к концу рабочей смены будет не в духе и не согласится стать его подругой на ночь?

Кауров решил оставить вариант с официанткой про запас – если ничего лучшего не подвернется. Он снова отправился на холод и продолжил барражировать по волгоградским улицам. Красивые женщины все чаще попадались навстречу. Кауров клеился ко всем подряд. Но чем больше клеился, тем больше недоумевал на местный женский пол.

– Оставьте меня, пожалуйста, в покое! Разве не видите, у меня неприятности, – ошаршила его первая же кандидатка на участие в «совместном ужине при свечах».

Другой даме, длинноногой румяной красавице в короткой дубленке, высоких сапогах и аппетитных черных рейтузах Кауров вызвался поднести тяжелую сумку. Он долго пер эту сумку по обледелым тротуарам, то и дело поскользываясь. Но к себе домой спутница его не пустила и предложение о новой встрече отвергла, сославшись на строгого мужа-автомеханика.

Вслед за ней раздосадованный ловелас попытался поочередно пристать к двум молоденьким девушкам, но не встретил ни малейшего понимания с их стороны. Одна из девушек, по виду очень скромная и воспитанная, даже послала Геннадия на три буквы и наставила на него газовый баллончик. Эта безобразная сцена деморализовала Каурова. Он решительно не понимал, что на местных женщин такое нашло. В душевном изнеможении опустился на скамейку возле какой-то поликлиники. Кровь стучала в висках, кончики пальцев подрагивали. Он то прикуривал, то тушил свою сигару. Никогда в жизни, даже после ссоры с Полиной или унижительного расставания с Катрин, Кауров не чувствовал себя так близко к нервному срыву. И в этот момент он увидел ее!..

Девушка вышла из поликлиники. Она была высока, стройна, длинноволоса и элегантно перешагивала через снежные кучи. Правда, одета была неважно. Синее выдавшее виды короткое пальтецо заканчивалось аккурат там, где начинались ноги, задрапированные в голубенькие колготки. На голове у красавицы громоздился немыслимый тюрбан не то из шарфа, не то из полотенца. В руках модница сжимала блестящий ридикюль. Ее лицо было скуласто, губы жирно очерчены фиолетовой помадой, глаза сильно накрашены в тон. Геннадию показалось, что он видит перед собой живую куклу, персонаж из мультфильма. Но от этой куклы шел такой сильный заряд порочности, что Кауров ощутил его всем озябшим нутром. Он встал со скамейки и, толком ничего не соображая, пошел за этой странной девушкой, будто притянутый к ней магнитом. Движимый предвкушением чего-то сладкого и одновременно гадкого.

Неожиданно девушка свернула с тротуара и скрылась за массивной дверью кинотеатра. Кауров даже не успел разглядеть его название, ухватив взглядом лишь афишу: «Крепкий орешек». В главной роли Брюс Уиллис».

«У нее необычный вкус», – отметил Геннадий.

Незнакомка подошла к подросткам, кучковавшимся у билетной кассы, и к удивлению Каурова дернула одного из парней за рукав: «Мальчик, купи мне билет!». Голос у нее был неприятный низкий, даже с хрипотцой.

Парень отрицательно мотнул головой:

– Если я куплю тебе билет, мне на пиво денег не хватит.

– Ну купи билет, помоги тетеньке, – повторила девушка свою просьбу.

– Чего пристала? – начинал злиться подросток. Остальные тинейджеры стали переглядываться и хихикать. А из дверей уже спешила женщина-контролер.

– Иди-иди отсюда. Чего ты все ходишь, у людей деньги клянчишь? Надоела. Сейчас психиатрическую машину вызову, – контролерша стала подталкивать девушку к выходу. Та испуганно заслонила ридикюлем. Она явно была не в себе. Парни уже ржали в голос. А у Каурова возникло дикое желание вмешаться и увести эту юродивую к себе в гостиницу. Ему захотелось изведать новых рискованных ощущений – заняться сексом с сумасшедшей. Но как лучше все обставить? Не билет же ей покупать на «Крепкого орешка». Да просто взять и решительно увести на улицу. Там попытаться как-то успокоить, потом поймать тачку и...

Но пока Кауров раздумывал да прикидывал, его опередили. Какой-то невзрачный мужичок вынырнул у него из-за спины. Как бы невзначай оказался возле сумасшедшей и вполголоса буркнул: «Пойдем со мной!»

Реакция девушки была молниеносной. Она хрястнула ухажера ридикюлем по морде и закричала:

– Уйди, говно!

– Чего дерешься, дура? А если я тебя! – обиделся тот и быстренько смылся с места происшествия.

Геннадия бросило в жар. А ведь опоздай мужик на чуть-чуть, в неприглядной роли соблазнителя сумасшедшей выступил бы он, Кауров. И тогда именно он при всех получил бы ридикюлем по морде и его обозвали бы говном.

Геннадию расхотелось любовных приключений. Он посмотрел на часы – было полшестого. Вышел из кинотеатра, поймал тачку. Но поехал не в гостиницу, а на автовокзал. Там, в кромешной вони жареных пирожков, стоя среди чьих-то тюков и баулов, долго изучал огромную, во всю стену карту автобусных маршрутов Волгоградской области и, наконец, к своей радости отыскал станицу Островскую. Она находилась почти в самом верху карты. Ни один автобус туда не ходил. Можно было за 200 рублей доехать лишь до одного из двух соседних населенных пунктов – до Даниловки или до Котово. Согласно расписанию дорога занимала около трех с половиной часов. Оставался единственный последний автобус на 20:10 – до Даниловки. Кауров попал бы туда почти в полночь, а ведь потом еще надо было как-то до Островской добраться. Ехать на ночь глядя к черту на рога... Сперва загоревшись поездкой, Геннадий тотчас скис. И побрел на выход. Но не успел сделать и десяти шагов, как его окликнули.

– Куда ехать? – обращался к нему пожилой усатый дядька положительной внешности.

– В Островскую.

– Далековато. Но могу отвезти. За пять тысяч всего. Соглашайся. За пару часов долетим.

У меня иномарка.

Действительно, неподалеку на автостоянке мирно дремал подержанный и помятый «Трабант» – «народный автомобиль» уже несуществующей Германской Демократической Республики.

– Там, в Островской, церковь красивая, – подначивал дядька.

– Что я туда, молиться, что ли, еду? – усмехнулся Кауров. – Ладно, черт с тобой! Согласен!

Забравшись в «Трабант», Геннадий свернулся калачиком на заднем сидении и сразу же провалился в сон. Железный конь взбрыкнул и поволок намаявшееся командировочное тело в неизвестность.

Сказка на ночь

В десятом часу вечера в большом двухэтажном доме на окраине станицы Островской старик укладывал в кровати двух семилетних близнецов. Миша и Антошка не хотели спать и все просили, чтобы дед рассказал им сказку.

– Ладно, какую вам сказку? – сдался тот наконец.

– Про двух братьев, про то, как раньше казаки жили, – загомонили мальчишки.

– Какая ж это сказка. Это все был, – сказал старик. – Мне мой дед про то рассказывал. А ему – его дед. Так и передается эта история в нашем роду из уст в уста. Слушайте и запоминайте. Когда-нибудь и вы будете рассказывать ее своим детям и внучатам.

Мальчишки заскрипели кроватями, укладываясь поудобнее.

– Давным-давно не то под Москвой, не то под Рязанью жили-были два брата Тихон и Алдонец— ну вот как вы, близнецы, – начал повествование дед. – Вы у меня – Миша и Антошка, а они были Тиша и Алдошка. На Руси в ту пору смута была – гражданская война долгая-предолгая. И зашел однажды в ту местность казачий отряд. Пацаны к казакам и пристали. Сделались у них, как сейчас бы сказали, сыновьями полка. Долго ли, коротко ходили-бродили они с тем отрядом. Многому научились – и шашкой врагов рубить, и пикой колоть. Ну а как кончилась смута, казаки в свои степи назад возвратились. И Тихона с Алдонеем с собой прихватили...

Старик вел рассказ неспешно, будто и позабыв, что внукам пора спать. Уснащал речь всякими сказочными присказками, которые неизвестно откуда всплывали у него в голове. Но история, которую он уже в который раз излагал Мише и Антошке, на сказку точно была непохожа.

Повзрослевшие Тихон и Алдонец вместе с другими казаками занялись грабежами – нападали на Волге на караваны купцов. Но захваченную добычу быстро пропивали и все огорчались, что никак не могут разбогатеть. В конце концов придумали рыть могилы. Стали раскапывать древние курганы – клады искать. Ничего ценного не находили, но остановиться уже не могли. Совсем свихнулись на этих поисках. От товарищей отвернулись, в боевые походы ходить перестали, безвылазно, как кроты, рыли землю в степи. И однажды улыбнулось им счастье. Отыскали в одной из могил много золотых украшений. Сложили в мешок и хотели уже ехать домой, но в степи показался отряд чужеземных всадников. Братья бросились наутек. Всадники – за ними в погоню. Тогда Тихон и Алдонец разделились. Один повернул налево, другой направо. Тихон спасся и к своим прискакал, а Алдонец с мешком золота сгинул. Шли годы. Женился Тихон на чьей-то вдове, родился у них мальчонка. Жили беднее бедного. Потому что и не жил Тихон вовсе, а только спивался – все убивался по брату, да по тем пропавшим сокровищам. И закончил он бесславно в нужде дни свои. Умирая, обратился к жене и сыну Гераське: «Неправильно прожил я жизнь. Искал богатства. И не нашел. А только потерял через это любимого брата. И теперь вот перед смертью тоскую»...

Голос рассказчика дрогнул. Он замолчал и прислушался. В комнате не раздавалось ни звука.

– Спите, что ль? – обратился старик в темноту.

– Не-а! – в один голос вскричали внуки. Дед улыбнулся в бороду и продолжил.

– Схоронили Тихона. А скоро и жена его померла. Остался Гераська один-одиночек. Жил в работниках у чужих людей. Прошел год, другой, и однажды показали за хутором две телеги. Ехали на них странные люди в незнакомой одежде

со своим скарбом. Говорили на чужом языке. И было их семь человек – старик, старуха и пятеро уже взрослых детей – трое сыновей и две дочки. Подивились им хуторяне. Глянул Герасим на старика и глазам не поверил – то был вылитый его отец, живой и невредимый. «Батянька, ты ли?» – подбежал пацан к старику. Тот обнял его и сказал: «Правильно признал. Я теперь твой батянька». Только, конечно, то был не Тихон, а Алдонец. Спустя много лет привел Бог пропащую душу в родную землю...

В этом месте старик опять вернулся к той разлучившей братьев погоне и начал рассказывать теперь уже историю Алдонца.

...Вынес конь его вместе с мешком, полным золота, на край оврага, да оступился и рухнул вместе с всадником вниз. Вскочив на ноги, на дне оврага увидел Алдонец волчью нору. Запрятал туда мешок, а сам в кусты кинулся. Но далеко не ушел. Настигли его враги. То оказались черкесы, возвращавшиеся из набега. Окружили казака. Вышел вперед самый сильный их богатырь, стал биться с Алдонцем на саблях. Одолевал черкес. И прижал уже казака к стволу дерева. Размахнулся для последнего смертельного удара. Но отпрыгнул Алдонец, поскользнулся, осел на траву, а черкесская сабля в дупле застряла. Быстро вскочил казак и ударил кулаком противника в ухо. Хлынула кровь из лысой башки, рухнул черкес, как подкошенный. «Якши, якши», – зацокал языком черкесский князь. Понравился ему Алдонец. Нужны были ему сильные и ловкие воины, потому что его племя много воевало с соседями. Накинули тогда на казака аркан, положили поперек седла и повезли в горы. Сперва держали черкесы Алдонца в глубокой яме. А когда согласился он мусульманскую веру принять, освободили. Стал с тех пор Алдонец черкесом Алдо. Выучил язык. Усвоил обычаи. Женился на черкешенке. Родились у них дети. Алдо ходил в набеги с черкесами. А однажды, уже на старости лет, услышал, что забрели на Кубань и встали неподалеку лагерем бунташные казаки. То были потерпевшие поражение разинцы. Узнав, что атамана в этом отряде кличут Чертенком, Алдонец надел лучшую черкеску, кликнул всех троих сыновей, и поскакали они в казачий стан. Удивились казаки, услышав, что старый черкес обращается к ним на их языке, увидав, как обнимается он с их атаманом. Знал Алдонец Чертенка в молодые годы. Рассказал тот ему про смерть брата Тихона, про незавидную участь жены и сына его. Много дней после этого Алдонец себе места не находил. А потом собрал всю семью, погрузились они на телеги, да и тронулись в дальний путь на донскую землю. Князь, которому Алдо много лет верно служил, не стал ему препятствий чинить...

Старик глубоко вздохнул, будто хотел набрать побольше воздуха в грудь. И перешел к финальной части своего рассказа.

– Усыновил Алдонец Герасима, возвратился обратно в христианскую веру, отстроил хату. А когда почувствовал, что близок его конец, позвал всех, теперь уже четверых сыновей и открыл им тайну спрятанного в овраге могильного золота. Обсказал, где искать его и благословил в путь-дорогу.

Ускакали сыновья вчетвером, а вернулся назад только один приемный Герасим. Протянул он Алдонцу сверток с золотом и горючими слезами заплакал. Оказалось, как только сокровища они отыскали, бросили его сводные братья. Отдали самую большую долю и сказали: «Один домой поезжай. Повинись за нас перед отцом с матерью. Мы по нашему аулу в горах сильно соскучились и давно уже задумали назад возвратиться».

Воскликнул тогда Алдонец: «Будь оно проклято, это золото! Из-за него лишился я за раз троих сыновей, а еще раньше – брата Тихона». И в тот же день помер. А Герасим вместо того, чтобы продать привезенное золото, да зажить припеваючи, зарыл его в землю. Понял он: от того золота беда происходит. Не зря же

и Тихон, и Алдонец перед смертью худым словом его поминали. Отказавшись от сокровищ из разрытой могилы, Герасим сразу облегчение испытал. Будто кому-то неведомый долг уплатил, с черными силами раз и навсегда рассчитался. И точно – после этого все у него в судьбе пошло хорошо. И без золота прожил жизнь долгую и счастливую. По преданию, дал Герасим всем нам, его потомкам, особую силу. А вернее, особый завет, соблюдая который притягиваем мы счастье в наши дома. Едва исполнялось кому-то из сыновей 20 лет, вел Герасим его к тому месту, где золото спрятал, и говорил: «Тут зарыто сокровище. Но я заклинаю тебя не откапывать его, дабы не навлечь на нашу семью Божий гнев. Покуда сокровище это под землей остается, ждут всех нас на земле иные сокровища. Покуда имеем мы силы отказаться от злосчастливого золота, то имеем и силы злую судьбу превозмочь. Одолев искушение выкопать клад, одолеем все остальные искушения и напасти».

Этот обычай уже много лет соблюдается в нашем роду. Едва достигнет парень 20 годов, ведет его отец или дедушка к тому тайному месту и показывает, где Герасим золото спрятал. И за долгие годы не было еще ни одного среди нас, кто взял бы лопату и пошел копать. Через эту вот стойкость сделалась фамилия наша славной в здешних краях, прочнее прочного на этой земле утвердилось. И живем мы богаче всех. И мужчины наши до сей поры становятся тут атаманами, председателями и главными над всеми начальниками...

Старик умолк.

– Деда, а ты нам тоже то место покажешь? – первым подал голос Миша.

– А как же, вот исполнится вам 20 годов, отведу туда.

– Долго ждать. Давай завтра пойдем, – заканючил Антон.

Старик цыкнул на него. Но внук не унимался.

– Деда, а все равно ты непонятное рассказал.

– Чего тебе непонятно?

– Ты сказал, если клад не доставать из земли, ничего плохого тогда с нами не будет.

– Ну.

– Почему же тогда твоего папу бандиты убили? Потому что он за кладом полез?

Старик заговорил медленно, подбирая слова.

– Не полез он никуда. Эх, кабы знать, от чего и в какой момент смерть за нами приходит, гораздо проще бы людям жилось... Время тогда было плохое, опасное... И потом, хоть погибли они – прадед ваш и брат его, почему ты думаешь, что не жили они хорошо? Еще как славно и счастливо жили. Такие дела тут после революции заворачивали. За советскую власть боролись, первые колхозы создавали, первую большую школу строили, чтобы ребятам учиться могла... Знаешь, сколько народу собралось к ним на похороны. В нашей станице все их любили...

– А тех бандитов поймали потом?

– Кого поймали, того на дереве вздернули. А остальные поразбежались в страхе и никогда уже больше не смели в наших краях появляться.

– Бандиты, наверное, очень злые были?

– Ну все, хватит разговоры разговаривать, басурмане. А то я сейчас стану злой...

Старик вышел из детской сильно уставшим. Путь его лежал на кухню. Там за столом сидел крепкий мужчина лет сорока и разгадывал кроссворд в журнале. В складках лба отпечатывалась напряженная работа мысли, пальцы были запущены в рыжую шевелюру, а в зубах торчал обгрызенный карандаш.

– Чего такой сумрачный, батя? – спросил он.

– Что-то не по себе сделалось, – произнес старик, – плесни-ка чего-нибудь крепкого в стакан.

Сын загремел посудой в шкафу и извлек бутылку, в которой плавали три красных перца.

– Во-во, давай ее, – одобрил старик, опускаясь к столу. – Пускай все внутри огнем обожжет, кровь по жилам разгонит.

– Про братьев, что ли, опять рассказывал? – с интересом осведомился сын.

– Про них... А как о деде твоём убиенном вспомнил, так виски и сдавило. Сколько лет прошло, а душа все болит.

– Еще бы. Это ж все на твоих глазах случилось.

– То-то и оно. Видно, до конца дней мне это зрелище не позабыть. Все простить себе не могу, что растерялся тогда. Вот он, маузер отцовский, передо мной на земле, вот он, Лазорька, к тому же раненный, напротив стоит. А я в себе силы шлепнуть его не нашел! – на глаза старика навернулись слезы.

– Ладно, батя, чего ты себя коришь. Сколько тебе лет-то было?

– Пять годов.

– Ну и что ты мог в таком возрасте против бандюги.

– А и что с того, что бандюга, коли он на ногах еле держался. Как сейчас вижу это. За отцом Макар Осипов прибежал, был он у него вроде как ординарцем. «Беда, – говорит, – Степан Силуяныч, брата вашего бандиты порешили». Отец маузер хватил со стены и бежать хотел к дому брата Николая. Я за ним за ворота. Он как рывкнет мне: «А ну назад!». Испугался я, но не успел назад во двор и шагу ступить, как Лазорькин голос раздался: «Степан, не беги далеко. Тута я». Сразу и выстрел грянул. Отец навзничь упал. Макар Осипов деру задал. А я один на один с Лазорькой остался. Он к соседскому плетню привалился. Стою подле убитого батьки ни жив ни мертв. Шелохнуться боюсь. Лазорька обросший весь, страшный. Наводит наган мне прямо в лоб и говорит: «У-у-у, отродье змеиное». Точно выстрелил бы. Да только рев тут меня разобрал. Стою рыдаю. И Лазорька тогда передумал стрелять, опустил пушку свою и поковылял прочь. Пощадил, в общем, ребенка в последний момент. И вот тут самое время было взять отцов маузер, догнать его и убить. А я вместо этого отца принялся тормошить, потом упал ему на грудь, да так и лежал, пока мамка меня от него мертвого не оттащила... Потом уже к утру отряд пришел из Даниловки. Долго ловили Лазорьку. Каких-то сообщников, дальних родичей его нашли да повесили. Но все это были уже мертвому припарки. Убег душегуб. Получается, только одна возможность была убить его тогда – у меня, пятилетнего пацана. А я ее упустил.

Старик не договорил. За окном прогремел выстрел. Отец и сын вздрогнули. С улицы раздавалось надсадное рычание автомобильного двигателя, работающего без глушителя.

– Кому среди ночи неймется? – недовольно проворчал старик и одернул занавеску с окна. Напротив их дома застряла в сугробе неизвестная смешная машина. Какой-то незнакомый мужик в кашемировом пальто и норковой шапке, сбившейся на затылок, толкал ее сзади.

– Пойти, что ли, помочь? Детей ведь разбудит, зараза, – размышлял вслух старик. Но помощь не понадобилась. Автомобиль, наконец, вынырнул из сугроба, едва не сбив водопроводную колонку, и скрылся в темноте. А незнакомый мужик прикурив сигару и, зябко вжав голову в меховой воротник пальто, двинулся к центру станции.

...Вместо обещанных двух с половиной часов «Трабант» тащился до станицы пять с половиной. По дороге он три раза глох, и водитель подолгу висел над капотом. Во время этих остановок салон быстро охлаждался, и Кауров начинал коченеть. Когда, наконец, въехали в Островскую, он уже больше не мог сдерживаться.

– Мужик! Не умеешь ездить – не берись. Я поверил тебе, как дурак. И вот теперь, на ночь глядя, в мороз в незнакомом месте оказался. Чтоб ты до дома не доехал! Чтоб перевернулся на обратном пути! Чтоб тебя КамАЗ переехал! Чтоб ты яйца себе отморозил! Ни хрена тебе не заплачу.

Ошарашенный водитель оглянулся на Каурова, хотел что-то ответить, и в этот момент въехал в сугроб, сильно ударившись о руль подбородком.

– Мало тебе, – позлорадствовал Геннадий, решительно толкнул от себя спинку переднего сидения, дернул дверцу и выполз в сугроб. Он хотел идти прочь. Но потом передумал. Достал бумажник, отсчитал вместо пяти тысяч рублей только две, смял деньги в комок и швырнул их на капот «Трабанта».

– Подожди, не злись, – окликнул его водитель. Он подобрал деньги с капота и теперь с мольбой смотрел вслед пассажиру. – Ты прости меня. Бог с ними, с деньгами. Помоги только машину толкнуть.

Кауров хоть и был зол на мужика, вернулся к «Трабанту». Глотая вонючие выхлопы, принялся изо всех сил толкать его в заснеженный зад. Машина не поддавалась. Внезапно прямо под носом у Геннадия взорвался глушитель. И автомобиль душераздирающе зарычал на всю улицу. Истошный собачий лай разнесся эхом по станице. В ближайших домах зажглись огни. Пустынная улица наполнялась враждебностью. Кауров представил себя персонажем голливудского вестерна – чужаком, потревожившим покой какого-нибудь угрюмого поселения на Диком Западе. Непрошленным гостем, которого вот-вот пристрелят.

«Господи, помоги!» – мысленно произнес Геннадий, еще раз как следует подналег на «Трабант» и ...о чудо! Машина ушла у него из-под рук и с ревом выскочила из сугроба.

«Еще пара таких эпизодов, и придется в Бога уверовать!» – усмехнулся в душе Кауров. Он стоял теперь один-одинешенек на длинной, плохо освещенной улице и не знал, что ему предпринять. Потом закурил сигару и понуро побрел по дороге.

«Интересно, где у них тут гостиница», – размышлял Геннадий, шагая в сторону убывания номеров на фасадах домов по улице Мира. Снег противно скрипел под ногами. Луна просвечивала сквозь небесную муть. Редкие деревья в отчаянии заламывали вверх свои белые, покрытые инеем сучья.

Кауров никогда раньше не был в станицах и не знал, чем они отличаются от деревень. Глаз не улавливал разницы. Дома как дома. Такие же калитки, заборы, сараи, поленницы дров. Встретился ему и первый продуктовый магазин – маленькая типовая «стекляшка».

...Улица Мира закончилась. Он добрался до центра станицы. Но тут, как и на окраине, было тихо, пустынно. Ни сельсовета, ни гостиницы, ни круглосуточных ларьков со «Сникерсами». Даже ни одной двух- или трехэтажной кирпичной или блочной «коробки». Вместо всех этих бесспорных признаков цивилизации в центре Островской высилась большущая церковь о пяти куполах, ее колокольня уходила крестом под самое небо.

На свой страх и риск Геннадий свернул на какую-то боковую улочку в полную темноту. Преследуемый собачьим лаем, брел наугад. Натыкался на сугробы, поскользнулся. И неожиданно вспомнил Полину. В первый раз за время своего пребывания в командировке подумал о жене без обиды и горечи. Как она там, в далеком Петербурге? Вспоминает ли о нем хоть изредка? И что сказала бы, увидев его сейчас – одинокого, измученного, забравшегося на свою голову в Богом забытую глухомань. А может быть, все эти мытарства – не более чем искупительная плата за возвращение семейного благополучия, что-то вроде 15 суток исправительных работ, к которым его приговорила сама судьба? Наэлектризованный мозг уже готов был пове-

рить в подобные мистические предположения, но тут Кауров отчетливо увидел впереди огонек сигареты.

– Эй! Подождите, не уходите, дайте закурить! – прокричал он во тьму, опасаясь, что сигарета исчезнет из виду. Огонек замер на месте и терпеливо его подждал.

Курильщик оказался низеньким человеком в тулупе и валенках, но без шапки. Он дыхнул на Каурова какой-то сивухой и протянул ему пачку «ТУ-134». При свете зажигалки Геннадий смог рассмотреть лицо первого встреченного в станице Островской живого человека. Человек был прыщав, малохолен, очень нетрезв и выглядел не старше 15 лет.

– Парень, я что-то не пойму, где у вас гостиница?

– Какая гостиница? – сильно удивился подросток.

– Переночевать можно где-нибудь или нет?

Парень задумался и громко икнул.

– Можно, наверное... Постучись кому-нибудь в хату. Может, и пустит кто. А гостиницы у нас отродясь нету.

Подросток собрался уходить. Но Кауров схватил его за плечо. Он так долго искал живых существ в этом медвежьем углу, что теперь не мог позволить одному из них вот так запросто раствориться в ночи.

– Ну а сам-то куда посоветуешь приткнуться? Я заплачу, – возбужденно зашептал Геннадий.

– Да где свет горит в окне, туда и ступай. Вон хоть к деду Фоке. Он через два дома по левой стороне живет. У него хата здоровая, а пенсия маленькая. Наверняка пустит.

– Ага, понял, – Геннадий тут же утратил к парню интерес и почти бегом устремился в указанном направлении. Потом вдруг остановился, оглянулся и прокричал на всю улицу:

– Эй, пацан! Люди по фамилии Черные живут в Островской?

– Не-а... Нету таких, – икая, ответила темнота.

Дом деда Фоки стоял на отшибе. Дальше дорога сворачивала куда-то влево, и домов уже не было. В одном окне за занавесками горел свет. Кауров разволновался. Неужели сейчас его мытарствам придет конец? Он представил, как гостеприимный Фока за умеренную плату выкладывает перед ним на стол чугунок с отварной картошкой, соленые огурчики с квашеной капусткой и прочую нехитрую, но аппетитную деревенскую еду. Ну и, само собой разумеется, потчует дорогого петербургского гостя мутным забористым самогоном...

Геннадий сглотнул слюну и, не найдя электрического звонка на воротах, деликатно, но в то же время настойчиво постучал в них кулаком. В ответ раздался леденящий душу вой. Прямо за воротами выла какая-то мелкая собачонка.

«Вот и хорошо, – подумал Кауров, – даже если старик спит или туг на ухо, эта псина враз ему сообщит, что гость у ворот. Такой вой мертвого поднимет».

Но Фока на внешние звуки не реагировал. Даже занавеска на окне ни разу не колыхнулась. Геннадий принялся колотить в ворота еще громче и бесцеремоннее. Сотрясал тишину ногами и кулаками. Деда все не было.

«Проклятая станица! Проклятый старик!» – злился Кауров. Потом решил: «Наверное, он к кому-нибудь в гости пошел, а свет забыл выключить». Было уже полпервого ночи. Кауров понятия не имел, сколько еще ему ждать загулявшего Фоку.

Он завернул за угол дома и пошел по тропинке. Не столько разглядел, сколько почувствовал впереди себя большую возвышенность. Справа от тропинки виднелись деревья. За ними – невысокая ограда, дальше еще какие-то едва различимые силуэты. Кауров приблизился к ограде. Долго всматривался в темноту. И вдруг отшатнулся назад. Не удержал равновесия и, ударившись плечом о ствол дерева, осел в сугроб. Силуэты во тьме оказались памятниками на могилах – за оградой пряталось кладбище.

Очутиться ночью на кладбище – именно этого Каурову сегодня не хватало для полноты ощущений. Захотелось побыстрее вскочить на ноги и убраться из неприятного места. Но, странное дело, Геннадия вдруг взяла непонятная оторопь. Что-то неотвратимое повисло в воздухе. Он вдруг понял, сидя в сугробе, что не зря приехал в Островскую. Что-то очень важное обязательно должно было открыться ему среди этих домов и могил. Что-то такое, что всю жизнь вывернет наизнанку.

...Впереди хрустнула ветка. Кровь ошпарила Геннадию лицо, и мурашки побежали по коже. Метрах в пятнадцати от него за ближайшим могильным памятником стоял человек. Геннадий верил и не верил своим глазам. Он хотел окрикнуть незнакомца. Крик застрял в горле. В животе и груди все сжалось. Кауров был в полном оцепенении, он не мог пошевелиться и все глядел туда за ограду.

Это продолжалось неопределенное время. Но вот показалось, что человек за могильным памятником сделал осторожный шаг вперед... Потом еще один шаг. Сомнений не было – черный силуэт приближался. «Уходи! Уходи!» – нашептывал внутренний голос. Но у Геннадия не было воли противиться острому мазохистскому желанию остаться. Скованный ужасом, он больше не владел собой, не понимал себя. Странное дело, он был близок к оргазму. Внутренне напряжение готово было разрядиться самым конфузным и неожиданным образом...

Вдруг над его головой раздалось оглушительное карканье. Кауров вздрогнул во второй раз. Ворона, тяжело хлопнув крыльями, сорвалась с дерева. Сверху за шиворот свалилась охапка снега. Холодный ручеек побежал по позвоночнику и привел Геннадия в чувство. Он проворно вскочил на ноги и рванул что есть мочи назад, за угол Фокиной хаты. Бежал, не оглядываясь. Бежал так, как давно уже не бегал. «Только бы не упасть», – стучала в мозгу единственная мысль.

Когда Геннадий снова оказался у церкви, у него сильно закололо в боку. Дальше бежать он не мог. Обернувшись и никого за собой не увидев, нырнул в калитку церковной ограды. Спрятался за ствол большого дерева. Прямо над ним всей громадой нависала теперь колокольня. В лунном свете было видно, как к кресту на ее макушке хищно тянутся щупальца облаков. Тяжело дыша, Геннадий стал судорожно шарить взглядом по сторонам. Заметил в церковном оконце открытую форточку. Окно было узкое и находилось довольно высоко в углублении стены. Но у Каурова не было выбора. Он разбежался, подпрыгнул и, подтянувшись на замерзших руках, не без труда вскарабкался на каменный подоконник. Просунул руку в форточку, отомкнул шпингалет, толкнул от себя оконную раму. В нос ударило талым воском и еще чем-то сладким и незнакомым. Геннадий, не задумываясь, прыгнул вниз, в крошечную церковную тьму. Он полагал, что прыгает на пол. Но под ногами оказался какой-то деревянный стеллаж, который с треском обрушился под тяжестью его тела. Что-то посыпалось с полок. Раздался звон разбиваемого стекла. Геннадий распластался на полу. Падая, он ударился ногой, но, несмотря на сильную боль в ступне, тут же заставил себя подняться. Его страх никуда от него не делся. Все тело сотрясала крупная дрожь. Он боялся, что кладбищенский призрак каким-нибудь своим нечеловеческим чутьем вынюхает его и здесь, в церкви. Поэтому первым делом, скрипя зубами от боли, припадая на левую ногу, вскарабкался на перевернутый стеллаж и закрыл окно на щеколду. Собирался закрыть и форточку. Но его рука застыла в воздухе. Сквозь прутья церковной ограды Кауров увидел ЕГО!!!

Мужской силуэт появился откуда-то сбоку. Он медленно шел вдоль ограды, было слышно, как снег хрустит у него под ногами. Частые прутья решетки и темнота не позволяли толком разглядеть неизвестного. Кажется, он был одет во что-то длинное, спадающее до колен. Кажется, сутулился.

Поравнявшись с калиткой, человек замедлил шаг, как бы раздумывая – войти или нет. У Каурова остановилось сердце...

Но призрак не вошел в калитку. Миновав ее, он вскоре скрылся из виду. Геннадий выдохнул. Осторожно, дрожащими пальцами закрыл форточку на щеколду. Осторожно опустился на стеллаж. Потом сполз на пол и начал креститься. Он не знал толком, как это делается, поэтому тыкал себе всей пятерней попеременно то в лоб, то в грудь, то в плечи. Он не знал молитв, но шевелил губами, повторяя про себя как заклинание одно и то же всплывшее в мозгу слово: «Свят, свят, свят...». Кауров не понимал, почему ведет себя именно так, но что-то же нужно было предпринимать. Одна мысль о том, что его неизвестный преследователь никуда не делся, а затаился поблизости или осторожно подкрадывается к нему в эту самую минуту, лишала Каурова последних сил.

Вспомнив о том, что в церкви принято каяться, Геннадий принялся мысленно просить прощения у разных людей – знакомых и незнакомых, живых и умерших: у Полины и Васьки, у отца и матери, у деда Акима и бабушки Вари, у француженки Катрин и волгоградской художницы, у прыщавого студента и усатого дядьки-водителя – у всех, кого он когда-то хоть чем-то обидел. Даже перед неизвестными Лазарем Черным и Дарьюшкой повинился на всякий случай. Для пущего покаяния Кауров закрыл глаза и пытался представить себе образ каждого из этих людей. Чьи-то лица были очень отчетливы, чьи-то размыты. Они почему-то проплывали перед его мысленным взором парами, как на карусели. Этот аттракцион погрузил Геннадия в сон.

Ему снилось, что началась ядерная война, а он один прячется в бетонном бункере. Гудит сирена, вокруг все грохочет, раскаляется от неимоверной жары, становится трудно дышать, а он сидит и думает лишь об одном – выдержат ли стены бункера надвигающуюся ударную волну. Вот грохот усилился, превратился в неистовый рев, пол задрожал под ногами. Волна была уже близко. Но Геннадий так и не узнал, прочна ли его защита. Потому что проснулся. Грохот и огонь как рукой сняло. Вокруг было темно и тихо.

Кауров долго не мог сообразить, где находится. Но потом шелкнул зажигалкой и увидел себя скрюченного на полу рядом с разломанным деревянным стеллажом – вокруг валялись маленькие иконки, свечки, нательные крестики, какие-то церковные брошюры, осколки разбитых стеклянных банок. Геннадий вспомнил свой ночной кладбищенский кошмар и тут же потушил огонь. Но потом снова зажег. Посмотрел на часы. Было полпятого. Ему больше не было страшно.

Он тер ушибленную ногу и думал – неужели это он, до смерти перепуганный, убежал несколько часов назад от хрустнувшей ветки, а потом прятался в церкви ни жив, ни мертв? Да еще чуть в штаны от страха не кончил. Геннадию стало стыдно за свое малодушное поведение. Он списывал все на усталость и психическое возбуждение – результат многотрудного и многонервного дня. Кауров не сомневался, что человек на могиле ему просто померещился, а мужик за оградой был случайным и нетрезвым жителем станицы, может, даже тем самым Фоккой, возвращавшимся из гостей...

Кауров решил немного прибраться после себя. Починить развалившийся стеллаж было ему не под силу. Он просто поднял его и прислонил к стене, как какое-нибудь бесчувственное, обмякшее тело. При свете зажигалки начал ладонью сгребать крестики в кучу. Но в палец вонзился осколок стекла. И Кауров оставил это опасное занятие.

Он обмотал пораненный палец носовым платком, поднялся с колен и нетвердой походкой двинулся вдоль церковных стен. Ходил, осматривался, освещая себе путь зажигалкой. Мерцающее пламя вырывало из темноты лики святых. Геннадий внимательно вглядывался в них, искренне хотел что-то почувствовать. Но не почувствовал. Эти бесстрастные, похожие друг на друга мужчины и женщины на стенах не вызывали в его душе ни трепета, ни восторга. В конце концов Кауров отыскал какую-то лавку, улегся на нее и стал ждать рассвета.

А в это самое время в центре Волгограда в казино «Олимп» за рулеткой один-единешенек сидел человек. Попади Геннадий Кауров нынешней ночью не в станицу

Островскую, а в это казино, он наверняка бы с ним встретился. И наверняка обратил бы на него внимание.

Все посетители уже разошлись. Только этот тип продолжал в одиночестве упрямо метать свои фишки и мучить женщину-крупье. Ставил только на 13 и все время проигрывал. С двух часов ночи, когда мужчина появился за столом, до полпятого он просадил уже порядка трех тысяч долларов и продолжал играть как ни в чем не бывало. Даже как будто испытывал удовлетворение от того, что раз за разом терпел неудачу. Его покрытое легкой испариной лицо, плоское, как блин, с некогда сломанным носом и сильно оттопыренными ушами, было решительно и сурово. Волосы на коротко стриженном затылке стояли торчком и, казалось, весь облик этого человека таил в себе угрозу для окружающих. Мужчина нервно качал ногой под столом. Он был взвинчен. Эта неприятная взвинченность волнами расходилась вокруг него, внушая окружающим безотчетное чувство опасности. Психологический дискомфорт, исходящий от одного-единственного человека, постепенно прогнал из-за стола даже завсегдатаев рулетки, привыкших держать нервы в узде.

При всей своей ярко выраженной бандитской наружности, игрок не был похож на братка. В его глазах и складках на лбу отпечатывались признаки интеллекта. Но как раз эти самые признаки еще больше усиливали тревожные ощущения окружающих. Персонал казино тоже косился на посетителя с большим беспокойством.

Игрока звали Сергеем Рогачевым. Было ему 35 лет. Методично просаживая наличность в рулетку, он вовсе и не хотел что-то выиграть. Деньгами Серега замаливал собственные грехи. Он был кое в чем суеверен. И уже не в первый раз в решающие моменты своей жизни пытался откупиться от судьбы таким странным способом – проигрывая деньги в карты или в рулетку.

Последние дни у Сереги выдались трудными. Позавчера его едва не убили. А вчера, перед тем, как заявиться в «Олимп» за отпущением грехов, он сам лишил жизни сразу нескольких человек – в том числе известного волгоградского авторитета Жору Ереванского. Убивая этих людей, Серега сильно простыл, и поэтому, сидючи в казино, беспрестанно не только тряс ногой под столом, а еще и шмыгал носом. Кому-то могло показаться, что он время от времени всхлипывает. Но как раз всхлипывать, а уж тем более плакать Рогачев не умел. В последний раз делал он это очень давно – в пятом классе. В тот самый день 23 года назад, считай, и закрутилась вся его беспокойная и геройская жизнь...

Герой нашего времени

Рогачевский сарай примыкал к саду соседей Лыковых. Одно абрикосовое дерево росло всего в метре от сарая. Так что, подпрыгнув с его крыши и ухватившись за сук, можно было вскарабкаться на дерево. И когда Лыковых не было дома, маленький Серега и его старший брат Санька не раз лазили к соседям за абрикосами. Страх быть застигнутыми щекотал им нервы. Острые ощущения во сто крат умножались тем, что во дворе Лыковых бегал свирепый пес Арго. Только он один и знал о воровстве абрикосов. Заходился лаем внизу, в бессильной ярости сдирал когти о ствол. У Сереги от страха все обрывалось внутри. Задранная кверху клыкастая пасть Арго стала самым ярким воспоминанием детства, а лыковские абрикосы были самыми сладкими в мире.

Однажды, когда Сергей с братом предприняли очередную вылазку в соседский двор, едва не случилась беда. Недавно прошел дождь, и дерево было еще мокрое. Серега подпрыгнул, но сук выскользнул у него из рук, и он сорвался вниз. Арго был уже там – будто поджидал своего заклятого врага. Тут же без всякого лая набросился на мальчишку и стал его рвать зубами. Серега катался по земле, заслоняя руками лицо и горло. Ему было нестерпимо больно от укусов. Он был уже весь в крови, и неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не прибежал отец. Он колот дрова во дворе и, заслышав крик старшего сына Саньки, в три секунды перемахнул через забор. Отец что есть силы огрел Арго обухом по хребту. Пес отскочил и продолжал облаивать их метров с двух. «Папа, убей его. Почему ты его не убил!» – все время повторял Серега сквозь слезы.

В райбольнице ему наложили несколько швов. А потом еще целый месяц делали уколы от бешенства. Лыковы приходили к Рогачевым, спрашивали, не нужно ли чем помочь, притащили в подарок Сергею целый таз абрикосов с того самого дерева. Только есть их Рогачевы не стали – скормили свиньям. Сам же покушанный с тех пор затаил лютую, недетскую злобу на Арго. Наверное, целый год разрабатывал план мести. Но ни одной живой душе, даже брату Саньке о нем не проболтался.

Он отомстил собаке следующей весной. А помог ему в этом фильм «Ко мне, Мухтар!». В нем Сергей впервые увидел, как служебные собаки отрабатывают команду «фас» на мужике, одетом в особую фуфайку, защищающую от клыков. Серега сразу вспомнил про старый тулуп, висевший в сарае, и отцовский сварочный шлем. 1 мая, в один из редких дней, когда ни соседей, ни родителей не было дома – все ушли на демонстрацию – он облачился в этот тулуп. Надел на голову шлем. Взял острый тесак, которым отец резал свиней. Спрыгнул в лыковский двор и, надвинув шлем на глаза, пошел по дорожке, ведущей к дому.

Арго рванулся к Сереге из своей конуры, сбил с ног высоким прыжком и вцепился в левый рукав. Прокусить не прокусил, но так сильно сдавил его клыками, что руку свело от боли. Ползая по траве под собачьим брюхом, Серега пытался подняться. И не мог. Да еще стеклянное окошко в сварочном шлеме оказалось такое темное, что через него ничего не было видно. Серега наугад тыкал в Арго тесаком, несколько раз промахнулся, потом, наконец, попал. Но удар вышел слабым. Нож даже не проткнул шкуру. Но вот Арго вырвал у тулупа клочок. Хватка собачьих челюстей исчезла, Серега смог кое-как размахнуться и все так же вслепую нанести собаке сильный удар. Нож вонзился в шею Арго. На тулуп брызнула кровь. Раненый пес снова бросился на Сергея и на этот раз вцепился в правую руку, сжимавшую тесак.

Мальчик больше не мог им махать. Но хватка Арго потихоньку слабела, Сергею удалось вырвать руку. Нож, скользя по шкуре, сильно подрезал псу переднюю лапу. Арго взвизгнул, а Серега наконец скинул с себя сварочный шлем. Пес, сильно хромая, ковылял прочь от него, в глубь сада. Но быстро опрокинулся набок. Из его окровавленной пасти вырывались клочкующие хрипы. Мальчик подошел к Арго. Тот смотрел на него стекленеющими глазами и попытался оскалить зубы. Сергей ткнул ему в эти зубы ботинком.

Потом отвернулся от издыхающей собаки и стал собирать следы преступления – вырванные из тулупа куски овчины. Дома в ванной он долго отмывал хозяйственным мылом с тулупа собачью кровь. А когда закончил, включил телевизор и уселся смотреть первомайскую демонстрацию трудящихся в Москве.

Участковый Николай Давыдкин появился у Рогачевых только после праздников.

– Ну-ка, иди сюда, – сурово позвал Серегу отец в гостиную. Там, грузно навалившись локтями на стол, сидел Давыдкин – красномордый дяденька милиционер. Он достал из планшетки бумагу и ручку.

– Сережа, ты утром 1 мая, когда оставался дома один, ничего подозрительного во дворе у Лыковых не слышал?

– Не-а, – мотнул головой мальчик.

– И как собака лаяла, не слышал?

– Я телевизор смотрел.

– Ты знаешь, что собаку убили?

Сергей кивнул. И опустил глаза. Давыдкину это не понравилось.

– А может, ты видел кого? Может, ты сам во двор к Лыковым лазил, как тогда за абрикосами, а?

У Рогачева-младшего душа ушла в пятки. Но тут в разговор вмешался Рогачев-старший.

– Постой, Николай, ты к чему клонишь? – строго спросил он, буровя взглядом Давыдкина. – К тому, что Серега мой эту собаку порешил?

– Ну что вы, Матвей Степанович, – Давыдкин почтительно наклонил голову в его сторону. – Разве пацану в его возрасте справиться с таким кобелем! Не всякому взрослому-то мужику это под силу.

Потом Давыдкин стал что-то писать на листе бумаги. Но отец отослал Серегу из комнаты, и тот не узнал, чем закончилась беседа с участковым.

А перед тем как лечь спать, мальчик долго, сидя в кровати, рассматривал свои руки при свете ночника. «Разве пацану в его возрасте справиться с таким кобелем!» – стояла в ушах давыдкинская фраза. «Неужели я такой сильный!» – с восторгом подумал Серега о самом себе.

Та история совершенно сошла ему с рук. Он больше не лазил в лыковский сад. Но тяга к острым ощущениям в нем не пропала. Наоборот, подпускать адреналину в кровь стало теперь его первейшей потребностью. Начал Серега налево и направо свою силу испытывать. А Давыдкин с тех пор в доме Рогачевых сделался частым гостем.

– Уймите вы его. Чего он у вас постоянно дерется, всех подряд задирает, – выговаривал милиционер Серегиним родителям.

Дрался четырнадцатилетний пацан совсем по-детски. Свирипел так, что его аж трясло. Мог в исступлении кусаться, запихивать землю противнику в рот, а слуцись палка под рукой, и огреть по башке. Весь восьмой класс Рогачев-младший

не выходил из боев. И желающих связываться с ним с каждым днем становилось все меньше. Но когда восьмиклассник Рогачев пробил голову десятикласснику Артамонову пустой бутылкой из-под лимонада «Буратино», отец сказал: «Баста!». Он как следует отходил сына ремнем, а потом отвез его в райцентр, записал в секцию бокса. Там за какие-нибудь полгода забияке вправили мозги. Да и времени на уличные драки у него теперь совсем не осталось. На тренировках Сергей быстро прогрессировал. Психовать и драться по пустякам перестал. Но со временем нашел другой способ получения адреналина. Серега повадился щупать девчонок. Новые ощущения будоражили психику похлеще собачьих клыков.

После первого звонка он прятался в раздевалке, в вешалках старшекласников, среди самых длинных во всей школе курток и пальто. И когда в опустевшем гардеробе появлялась какая-нибудь опоздавшая на урок девочка, Серега набрасывался на нее, как леопард из зарослей, – одной ладонью зажимал рот, а другую запускал под форменное платье. Больше всего его заводила ответная реакция девчонок. Странно, но они никогда не пытались кричать или звать на помощь. Иногда девочки шипели: «Пусти, козел!». Иногда посылали его на три буквы. Но чаще всего они отбивались молча. Со временем Серега даже рты им перестал зажимать.

Он охотился на девчонок примерно год. До тех пор, пока не встретил первую любовь. Случилось это уже в девятом классе. Десятиклассница Лена Михайлова никогда не опаздывала на уроки и поэтому не знала Сергея с самой плохой стороны. Она была первой отличницей школы. И еще – председателем совета дружины. Учителя говорили о ней с придыханием. Лена собиралась поступать на филфак МГУ и писала замечательные для своего возраста стихи, которые печатали всеюжные детские журналы «Пионер» и «Костер», не говоря уже о местных и волгоградских газетах. На Лену засматривались многие парни, но ухажера у нее не было. Целеустремленная девочка не хотела отвлекаться на ерунду. А в сторону десятиклассника Рогачева даже и не взглянула ни разу. Для Сереги Лена была как недоступная ледяная вершина на небосклоне. Поэтому когда он однажды, приехав домой с тренировки, обнаружил Михайлову в своей комнате, то не поверил глазам. Лена сидела за его письменным столом и при свете настольной лампы делала уроки. Он запомнил эту картину на всю жизнь, и она потом не раз согревала ему сердце в трудную минуту.

Склонившись над тетрадкой, Лена подпирала подбородок острым кулачком. Ее мизинец при этом был грациозно отставлен в сторону. Один черный локон сбился на щеку, а на кончике носа виднелось маленькое трогательное чернильное пятнышко.

– Ты чего здесь делаешь? – вымолвил сбитый с толку Серега.

– Тригонометрию, – ответила Лена, поворачивая в его сторону свою гордую головку. – Привет! Тебя Сергеем зовут?

– Угу, – промычал Рогачев.

– А я Лена. Твои родители разрешили нам с мамой пожить у вас несколько дней. Понимаешь, так надо.

Серега ничего не понимал. Он бросил в угол сумку со спортивной формой и отправился искать родителей. Отец, мать и брат Сашка на кухне пили чай.

– А чего это Ленка Михайлова там? – обратился Сергей к ним с порога.

– Лена с мамой в твоей комнате поживут, а ты у Сашки с сегодняшнего дня будешь спать, – сказал отец, не считая нужным вдаваться в подробности.

– У Лены дома сейчас нелады, им жить негде, – добавила мама.

Позднее Серега узнал, что же произошло. Ленкин отец сильно повздорил с Ленкиной матерью. Каждый день дрался, складывал матюги. Мать не выдержала, забрала дочь и ушла к Рогачевым. Оказывается, она работала главным бухгалтером у Серегоного отца, а с Серегоной мамой и вовсе давно была знакома – вместе учились в сельхозинституте.

Михайловы прожили у Рогачевых две недели. Это было так здорово – приходиться домой и видеть там Ленку в коротком халатике, серых шерстяных рейтузах и пушистых домашних тапочках. По утрам Серега, заспанный, сталкивался с Леной на кухне возле раковины. Они завтракали и ужинали, сидя за одним столом. И все чаще разговаривали друг с другом. К исходу второй недели Рогачев уже все время искал встреч с Ленкой, заходил к ней в комнату с разными дурацкими вопросами.

В тот день, когда все случилось, ему не нужно было ехать на тренировку, и он опять придумал смехотворный повод заглянуть к Лене – искал транспорт. Девочка сидела на кровати, поджав под себя ноги, вперив взор в какую-то книгу.

– Ну, что проходили сегодня в школе? – спросила она вошедшего Сергея с видом умной и строгой учительницы.

– «Молодую гвардию» разбирали. А на физкультуре прыгали через козла. Чего читаешь-то?

– «Вешние воды» Тургенева. Знаешь такую книгу?

Серега пожал плечами.

– Слышал. А о чем она?

– О любви. Про одну жестокую женщину и влюбленного в нее слабого духом мужчину.

– Понятно, – Серега сделал вид, что задумался об услышанном.

– Между прочим, всех лучших героинь Тургенева знаешь как называли?

Серега отрицательно мотнул головой.

– Тургеневскими барышнями.

– Чего в них такого особенного, в этих барышнях?

– Понимаешь, они настоящие. Благородные, верные, романтичные и прекрасные в душе. Тургенев создал образ идеальной женщины.

– Значит, он в женщинах разобрался?

– Да, он тонко чувствовал окружающий мир и хорошо понимал людей. Иначе бы не стал великим писателем.

– У него, наверное, жен много было.

– Какая чепуха. Зачем ему много?

– Чем больше жен, тем больше в женщинах разбираешься.

– Ты глупости говоришь. Для того чтобы понимать женщин, необязательно на каждой жениться. У Тургенева же были сестры, просто знакомые. Наконец, женщины, которые отвергли его любовь.

– Чего ж они его отвергли, такого великого?

– Это удел всех великих людей – они при жизни остаются непоняты, и слава к ним приходит всегда после смерти. Думаю, женщины, которые отвергли Тургенева, потом очень пожалели, что не смогли разглядеть его прекрасное сердце.

– А ты смогла бы разглядеть прекрасное сердце?

– Смогла бы.

– Ты тургеневская барышня, что ли?

– Не знаю. Я бы хотела ей быть.

– А тургеневские барышни, они хоть целуются?

– Конечно, – улыбнулась Михайлова.

– А ты? Целовалась уже? – спросил Серега дрогнувшим голосом.

Этот вопрос застал Лену врасплох.

– Так я тебе и сказала, – ответила она смущенно. Было заметно, что девочка слегка рассердилась. И еще что-то знакомое промелькнуло в ее глазах. Что-то такое, что Серега наблюдал у своих жертв в раздевалке. Сладкое предчувствие разлилось у него по всему телу.

Он решительно присел на кровать рядом с Леной и, не говоря ни слова, обнял ее за талию. «Вешние воды» выпали из рук отличницы и стукнулись об пол. Лена смотрела на Рогачева с большим удивлением.

– Ты чего?

Не ответив на вопрос, Серега неуклюже попытался поцеловать Михайлову, но промазал и угодил губами ей в нос.

– Ну ты совсем уже, – возмутилась Лена и принялась Серегу отпихивать. Это только его раззадорило. Он поймал Михайлову захватом за обе руки и без труда завалил на подушку. Их лица оказались близко-близко. Секунд пять они молча смотрели друг дружке в глаза... Затем Серега полез свободной рукой Лене в рейтузы. Он увидел, как у Лены расширяются зрачки. Потом ее губы презрительно скривились, и внезапно она плюнула Сереге в лицо. Это было так неожиданно и так оскорбительно, это так взбесило Рогачева, что он начал неистово стаскивать с Михайловой рейтузы...

– Мразь, – произнесла Лена и отвернулась в подушку. Но стоило Сергею сунуть пальцы ей между ног, изогнулась всем телом и вцепилась Рогачеву в волосы зубами! Лена тянула его за волосы с каким-то диким остервенением. Серега мотал головой и засовывал свои окаянные пальцы все глубже. Он делал это с ужасом и одновременно с какой-то животной мстительностью. Чем сильнее Лена тянула его за волосы, тем сильнее засовывал. А когда вытащил пальцы, на них была кровь. Лена выплюнула изо рта его волосы и заплакала. А Серега похолодел от страха. Что он наделал? Как он мог? Может, он повредил там что-нибудь у Ленки внутри?

Михайлова, рыдая, выбежала из комнаты. Рогачев остался сидеть на кровати и все смотрел на свои окровавленные пальцы. Он понял, что совершил очень гнусный поступок. На ватных ногах Серега проследовал во двор, вытер пальцы о снег, заперся в уборной и долго не выходил. Там, в сортирном холоде и вони, его вырвало. Но от этого легче не стало. Тогда он вышел на улицу, не разбирая дороги, тупо мотался взад-вперед. В конце концов, перейдя замерзшую речку, забрел в лес. Распластался под каким-то кустом и пролежал в снегу до вечера. Как только на небе вошла луна, Серега очнулся. Его тело била дрожь. Зубы стучали.

Когда заиндеветший Рогачев вернулся домой, Михайловых там уже не было. Они ушли. Но не из-за того, что всплыла наружу история, случившаяся в Серединой комнате. Просто Ленкины мать и отец именно в тот день помирились.

После того случая Рогачев серьезно заболел. Пролежал в жару и бреде двое суток. А потом, выздоровев, очень тихий и задумчивый стал. Охота караулить девчонок в раздевалке начисто в нем пропала. Все мысли его теперь были только о Лене Михайловой. Едва ли не каждый день он поджидал ее после школы, подходил к ней нетвердой походкой, пытался заговоривать, просить прощения. Но видел в ответ только сжатые губы, которые лишь иногда разжимались для того, чтобы произнести: «Пошел вон, мразь». Лена обдавала Серегу холодным презрением. А он вел себя, как покорный истукан. Плелся молча следом до ее дома. Он проболел этой болезнью до конца учебного года.

Потом Лена закончила школу с золотой медалью и уехала в Москву поступать в МГУ. Но не поступила. Не хватило одного балла. Назад к родителям она не вернулась. Устроилась в Москве работать на швейную фабрику.

Десятый класс ознаменовался для Рогачева крупными спортивными достижениями. Шесть раз выезжал он на разные соревнования и почти на всех победил. Выиграл чемпионат Волгоградской области среди юношей в своем весе. Был третьим на первенстве России в Москве. Из-за бокса Серега совсем перестал учиться. За полгода до окончания школы был вынужден перевестись в волгоградский спортивный интернат. Но именно благодаря успехам на ринге, он смог без труда поступить в местный университет на биофак – вузу были нужны хорошие спортсмены.

В первые же зимние каникулы студент Рогачев поехал в Москву на поиски Лены Михайловой. По его просьбе мать разузнала у родителей девушки ее тамошний адрес. Выяснилось, что Лена живет вовсе не в Москве, а в Зеленограде, в часе езды от столицы на электричке. В этом городе базировался Московский институт электронной техники. Именно туда девушка поступила после второй неудачной попытки пройти по конкурсу в МГУ.

Зеленоград встретил Рогачева густым снегопадом. Он двигался по улицам почти вслепую. Натыкался на прохожих, шарахался от машин. Кое-как добрал до нужной общаги. Но был остановлен вахтершей. А случайно проходившая мимо девушка, которую Рогачев попросил позвать Михайлову из 218-й комнаты, вернулась с грустным известием: «Лены нет дома».

Серега весь день топтался в общажном предбаннике. Он проголодался и очень хотел в туалет, но боялся отлучиться даже на минуту – вдруг Лена вернется именно в этот момент. К шести вечера Серега больше уже не мог терпеть и собрался на улицу. И именно в этот момент столкнулся с Леной в дверях. В белой пуховой шапке с помпончиками и синей искусственной шубке девушка похожа была на Снегурочку. Боже, как она похорошела за эти полтора года! Серега остолбенело смотрел на Лену, не давая ей пройти внутрь.

Она не сразу его узнала. Удивленно уставилась на неожиданное препятствие в дверях. Вдруг будто какая-то тень пробежала у нее по лицу.

– Зачем ты приехал? – растерянно спросила Лена. Серега уже не мог терпеть. Это был очень неподходящий момент для долгих объяснений. И поэтому он выпалил те самые важные слова, которые не раз мысленно репетировал и которые при других обстоятельствах вряд ли так запросто слетели бы у него с языка.

– Я люблю тебя.

Михайлова взглянула на него, как на ненормального, молча протиснулась в дверь и пошла через вахту прочь от Сереги. И такая Рогачева взяла тоска, такое страшное отчаяние подступило к горлу...

– Лена, пожалуйста!.. – не своим голосом умоляюще выкрикнул он вдогонку. Лена обернулась, посмотрела на Рогачева и вдруг спросила:

– Ты надолго приехал?

Серега пожал плечами.

– Есть хочешь?

– Хочу.

– Ладно, пойдем, накормлю тебя.

Потом, спустя много месяцев, Лена призналась Сергею, что решила позвать его к себе потому, что увидела у него в глазах страшную, нечеловеческую муку. Рогачев так и не сказал ей, что эта мука отчасти была вызвана вполне физиологическими причинами.

Сергея просидел тогда у девушки весь остаток вечера. Раз пять они пили чай. Поначалу говорил в основном Рогачев. После долгожданного посещения туалета его будто прорвало. Он открыл Михайловой свое сердце все без остатка. Поведал о том, как срезал ее фотку со школьной Доски почета. Показал девушке левое плечо, на котором в конце десятого класса шилом написал имя «Лена», и оно зарубцевалось шрамами. Сергей рассказал, как много раз ходил в церковь – молил Бога о прощении за тот свой гнусный поступок...

– Понимаешь, моя жизнь ничего не стоит, если в ней нет тебя, – заклинал он Лену словами из какого-то кинофильма. И, похоже, эти заклинания действовали. Девушка внимательно, не перебивая, слушала Сергеины откровения. Несколько раз нервно закуривала (Рогачев с удивлением и досадой отметил, что она стала курить). А когда он закончил свой взволнованный монолог, Лена вдруг заговорила примерно в той же манере. Только вовсе не о Сергее, а о том, как трудно и одиноко было ей одной жить в Москве и чего пришлось хлебнуть, работая на швейной фабрике.

– Ты не представляешь, как там было. Все время на ногах. Шум стоит в цеху такой, что глохнешь к концу дня, пыль повсюду летает, и ты вся превращаешься в автомат. У меня первое время пальцы судорогами сводило. А еще обидно было очень. Я думала, все это наказание мне за то, что в университет не смогла поступить. В субботу или воскресенье девчонки с фабрики танцевать или в кино идут, а я сажусь заниматься. Так и прошел весь этот год – стоя у станка или сидя за учебниками. И все равно, все равно не смогла поступить! Несколько раз порывалась домой ехать, но всегда в последний момент передумывала, потому что стыдно делалось... Все так верили в меня, так гордились мной, а я не оправдала этих надежд. Если бы вернулась, это какой был бы позор на всю жизнь.

У Сергеи сердце защемило от жалости. Он и не подозревал, что Ленке за этот год столько всего пришлось вытерпеть.

– Там, на фабрике в общаге, многие девочки только об одном думают – как выйти замуж за москвича, – продолжала она. – Все хотят за Москву зацепиться. Спят со всеми подряд москвичами. Такая распушенность там царит. Раньше ни за что бы в такое не поверила. Пьяная шпана в окна лазила по водосточным трубам, в двери ломилась. Я несколько раз посреди ночи убегала на улицу от них, пережидала до утра в чужом подъезде на подоконнике...

– Жаль, меня рядом не было, я бы этой шпане показал, – перебил Лену Сергей. Девушка в ответ улыбнулась и заявила:

– Зато теперь у меня все хорошо. Я так намучилась с этим МГУ. А теперь поняла: и, слава Богу, что поступила в другой институт. Все наши преподаватели говорят, что электроника – самое перспективное направление конца двадцатого века.

Без пяти одиннадцать вечера вахтер попросила Сергея из общаги. Заночевал он на Ленинградском вокзале, а наутро опять приехал на электричке в Зеленоград. Они гуляли с Михайловой по местным замерзшим паркам. Согревались в магазинах и кулинариях. Разговаривали, разговаривали... Вечером Сергей и Лена попрощались на железнодорожной станции.

– Если хочешь, можешь написать мне письмо, – сказала девушка.

– А можно я еще раз приеду? – попросил Сергей.

Лена кивнула...

Через неделю он вновь прибыл в Москву. Они снова бродили по подмосковному городку. Потом купили билеты в кино. В зрительном зале сидели, касаясь друг друга локтями, и смотрели какой-то сборник мультфильмов. Потом Сергей взял

ладонь Лены в свою. Но она тут же вырвала руку. «Прости», – прошептал Рогачев. И больше не предпринимал этих дерзких попыток. Он не узнавал сам себя. Он становился с Леной каким-то другим человеком.

...Для того чтобы приехать в гости к Михайловой в третий раз, у Сереги не было денег. А не приехать к ней он не мог. Стал думать, где бы ему заработать. Разгружать по ночам вагоны, как делали некоторые однокурсники, означало сломать спортивный режим и поставить крест на боксе. Неожиданное решение подсказал товарищ по университетской команде – дзюдоист дагестанец Таймураз Мусаев. Они были однокурсниками и быстро сошлись – Таймураз сразу понравился Сереге, от него веяло спокойной надежностью. Узнав о финансовых проблемах приятеля, кавказец дождался его после тренировки и сказал, что есть разговор. Они пошли в ближайшее кафе-мороженое, взяли по молочному коктейлю, молча осушили стаканы, и Таймураз, вытерев с губ молоко, предложил Сереге на пару трясти фарцовщиков.

– У них денег полно. И это деньги несправедливые. Пусть делятся. Не хотят – пусть страдают. В милицию они обращаться не будут, потому что у милиции к ним самим сразу вопросы возникнут. Дело верное. Я точно знаю, в Питере и Москве местных фарцовщиков спортсмены уже начали щемить, данью обкладывать.

– Спортсмены? – переспросил Рогачев.

– Да, боксеры, борцы... Перестройка в стране. Власть посыпалась. Мне один мудрый земляк сказал: пришло время сильных людей, сейчас главное – действовать. Чем рискованнее и наглее, тем выше можно взлететь.

Серега задумался. Предложение Таймураза сулило ему новую неизвестную жизнь, чреватую адреналином. И еще деньгами. А значит, встречами с Леной...

Он не заставил Мусаева себя уговаривать.

Их первый выход на дело состоялся уже через день после разговора в кафе. Фарцовщики собирались возле гостиницы «Интурист» и общаг иностранных студентов. Парни приехали к одной из таких общаг, зашли в подъезд дома напротив и долго оттуда вели наблюдение. Иностранцы, в основном это были азиаты, встречались с фарцовщиками в небольшом скверике, в кустах. Сверху было хорошо видно, как они, почти не таясь, продавали мелкие партии джинсов, рубашек, футболок, солнечных очков, притащили пару магнитол в красивых картонных коробках. Иногда обменивали доллары на рубли. Фарцовщиков было четверо. Серега и Таймураз в жертвы выбрали самого фактурного. Когда тот закончил трудовую вахту и с огромной спортивной сумкой на плече шел к своему новенькому «Москвичу», ему преградили путь. Рогачев слегка ткнул парня под дых, потом сдавил ему горло. Таймураз схватил жертву за волосы и тихонько спросил:

– Ты кому платишь?

– За что? – просипел парень.

– За право покупать у иностранцев все это дерьмо?

– Никому.

– Теперь нам будешь платить. Понял?

Серега отпустил горло фарцовщика. Тот, прокашлявшись, задал вопрос:

– Вы кто?

– Мы твоя страховка от несчастного случая, – пояснил Рогачев. – «Пятихатку» каждую неделю будешь нам отдавать.

– Не нужна мне страховка, – заартачился вдруг фарцовщик. – Я не один работаю. Я с ребятами ваше предложение обсужу.

– Обсуди. Завтра в 10 утра ждем с деньгами на этом же месте, а шмотки твои у нас побудут пока, – сказал Рогачев и вырвал у собеседника сумку.

Утром возле общаги Серегу с Таймуразом поджидали вместе с фарцовщиком еще четверо парней приклатненного вида с палками в руках. Они сразу попытались окружить Рогачева и Мусаева. Но те не позволили им выполнить этот маневр. Серега так быстро все сделал, что даже адреналин в нем не успел закипеть. Двое парней не смогли пустить в ход свои палки – один уже лежал на спине в тяжелом нокауте, второй стоял на четвереньках и, ничего не понимая, тряс головой. Таймураз тоже справился с задачей, но его лицо было в крови. Противник успел-таки нанести ему удар палкой. Второго удара не последовало – дагестанец поймал руку парня в захват и сломал ее. Четвертый боец предпочел убежать. Испуганный фарцовщик достал бумажник и молча начал отсчитывать деньги. Вечером от несчастного случая застраховались и его дружки.

Все оказалось так просто, что Сереге даже не верилось. Новая жизнь, действительно, началась. В субботу Рогачев прилетел в Москву. На этот раз они с Леной посетили знаменитое кафе «Лиры», про которое пела «Машина времени». Только ни обещанного «у дверей заведения народа скопления», ни швейцара, который «неприступен и важен», там не оказалось. Серега заказал шампанского и много красной икры. Лена вопросительно на него посмотрела.

– Я теперь вагоны по ночам разгружаю, – пояснил Рогачев.

Они проговорили в кафе несколько часов. Потом долго гуляли по Москве. И за все это время Серега к Лене только один раз прикоснулся – надевая на нее шубку в гардеробе «Лиры», просто чуть задержал руки на ее плечах.

Сереге даже нравилось это раздвоение личности. В Волгограде он был дерзким, рискованным, уверенным. В Москве с Леной – послушным и робким. Но что-то подсказывало – долго так раздваиваться не получится.

Крышевание фарцовщиков принимало масштабный характер. Рогачев с Мусевым подтянули в свою группу еще несколько знакомых борцов и боксеров. Однако поставить под контроль элиту фарцовщиков, собиравшуюся возле гостиницы «Интурист», они опоздали. Там уже пустила корни бригада, состоявшая из ветеранов-афганцев. Первый же взятый в оборот барыга рассказал, как связаться с их крышей. На «стрелку» приехали серьезные поджарые мужики со стволами, один из которых представился действующим бойцом тюремного спецназа. После переговоров с ними Серега и Таймураз поняли, что они еще дети, и нужно, как минимум, вооружаться.

Но так или иначе, через год Рогачев уже не знал, куда деньги складывать. Он снял себе трехкомнатную квартиру в центре Волгограда. Купил новенькую «восьмерку». Вот только в Москву к Лене стал реже летать. Всякий раз на выходные находились дела, связанные с перетиранием текущих рэкетирских проблем, не говоря уже про тренировки с соревнованиями.

Набравшись наглости, увеличив численный состав бригады до 17 человек и обзаведясь арсеналом из восьми стволов (правда, копанных на местах боев, а потому ненадежных пистолетов и автоматов), Серега и Таймураз взяли под контроль музыкальный рынок на Мамаевом кургане. Там шла стихийная торговля разной аппаратурой, пластинками и видеокассетами. Местные барыги сообщили, что над ними сверху нет никого, и без особого нажима согласились отдавать «долю малую» от своих доходов.

«Успехам в работе» сопутствовали победы и на других фронтах. Серега выиграл чемпионат России в Сочи и получил приглашение в юниорскую сборную. Он даже сдал в университете летнюю сессию (в отличие от Таймураза, которого отчислили за неуспеваемость). Но самое главное, в отношениях с Леной Михайловой про-

изошли важные перемены. Сразу после сессии он приехал в Москву. На новенькой «восьмерке».

– Это машина отца, он обещал мне ее давать иногда, – сразу сообщил Сергей Лене, предупреждая неизбежный вопрос.

Девушка после успешной сдачи экзаменов записалась в студенческий стройотряд – там же, в Зеленограде, работала медсестрой в больнице. По случаю визита Сереги (он уже почти три месяца к ней не приезжал), Лена отпросилась на целый день. Они купили черешни, лимонада и отправились в парк. Сели на пригорок возле маленькой речки. Был чудесный солнечный день, и у Рогачева появилось предчувствие, что в его жизни может случиться что-то очень хорошее. Они ели черешню, Лена смотрела на него, шурилась от солнца и улыбалась.

– А ты изменился, – сказала она.

– С каких пор? Со школы или за те месяцы, что мы не виделись? – спросил Серега.

– И со школы, и вообще. Ты каждый раз приезжаешь каким-то другим человеком. Мне кажется, ты очень быстро взрослеешь.

– Это хорошо или плохо?

– Это удивительно. Но еще удивительнее другое. Три года назад я тебя ненавидела. А сейчас... радуюсь, когда ты приезжаешь.

У Рогачева горло перехватило.

– Выходи за меня замуж, – тут же выдал он из себя.

Лена очень серьезно на него посмотрела. Серега нервно сглотнул слюну. От ее ответа зависело слишком многое.

– Какой ты нетерпеливый, – сказала Лена с шутливым укором. – Сережа, мне еще рано замуж. Я хочу еще хотя бы немного студенткой побыть.

– Побудь. Мы можем через годик-другой свадьбу сыграть. Или вообще, после института. А сейчас могли бы просто сказать друг другу «да», определиться раз и навсегда в этом вопросе.

– Ну зачем ты торопишься? Ты этим только все портишь. Это же не вопрос жизни и смерти. Ты же не уходишь завтра на войну, с которой можешь не вернуться. Я только начала настоящую жизнь узнавать. В театральную студию вот записалась. Может, еще артисткой стану (при этих словах Лена снова улыбнулась). А ты хочешь, чтобы я в девятнадцать лет на тебе только сосредоточилась?

– Почему? Мы могли бы вместе жизнь узнавать...

– Сережа, ты меня очень смущаешь этим разговором, – на лице Михайловой проступило легкое раздражение.

– А вдруг это и вправду вопрос жизни и смерти. Почему ты знаешь? – продолжал кто-то Рогачева тянуть за язык.

Лена встала с пригорка с явным намерением уйти. Но Сергей удержал ее за руку.

– Все, прости. Не буду больше. Кушай черешню.

Несколько минут сидели молча. У Рогачева на душе кошки скребли. Но, преодолевая кошек, чтобы разрядить ситуацию, он начал рассказывать Лене разные анекдоты. Туча, повисшая над ними, постепенно рассеивалась. А потом Лена сделала то, чего Серега меньше всего ожидал. Она вдруг приблизила к нему лицо и прикоснулась губами к его губам. Их первый поцелуй длился мгновение. Инициатором второго поцелуя был уже Рогачев, и он выдался куда более продолжительным.

– Ты смешно целуешься, – прошептала Лена.

– А как надо? – смущенно спросил Сергей.

– Не знаю, – ответила девушка и рассмеялась.

Они целовались, ели черешню и снова целовались. А еще дурачились. Рогачев надкусил одну из черешенок и прильнул к губам Лены. Она откусила свою половинку ягоды, а косточку выпихнула язычком в рот Сереги. Он попытался таким же способом вернуть ее Лене. Потом выплюнул косточку, и они уже просто целовались, засовывая друг другу в рот языки.

– У меня уже губы болят, – в конце концов призналась Михайлова. – Может, пойдем?

Они переходили маленькую речушку по перекинутым через нее спиленным стволам двух берез. Стволы качались. Серега шел первым. Потом обернулся. Ему вдруг очень захотелось поцеловать Лену на этих дрожащих березах, под которыми струилась бурая, почти красная вода. Он не стал растягивать поцелуй, щадя уставшие губы подруги. Но они еще долго стояли, обнявшись, над бегущей водой. Серегу удивило, как крепко Лена его обнимала. Будто не хотела никуда от себя отпустить...

В Волгоград Рогачев возвращался абсолютно счастливым. Он и подумать не мог, что этот поцелуй над речкой будет для них последним...

Оказалось, Серега с Таймуразом общались не с самыми знающими торговцами с Мамаева кургана. У стихийного рынка все-таки был неформальный куратор – милиционеры из ближайшего отделения. Они периодически устраивали проверки. Особо приближенных к ним барыг не трогали, у остальных изымали товар. Естественно, без протоколов. А потом эти же диски и кассеты успешно реализовывали через тех самых своих спекулянтов. Рогачев с Мусаевым въехали в эту схему, когда уже поздно было. После того, как менты провели против них незамысловатую, но эффективную операцию.

Один из торговцев, сперва согласившийся платить, вдруг заартачился. На новые переговоры к нему выехал Таймураз с двумя ребятами. Их беседу с барыгой, изобиловавшую, как водится, угрозами, менты скрытно записали. А потом еще сымитировали разборку – выманили рогачевскую команду почти в полном составе на толковище с подставными братками, роли которых сыграли опера угрозыска. Там всех и повязали. Трое торговцев дисками выступили на суде как свидетели, да еще и двое молодых борцов на допросах раскололись.

Таймураз получил 5 лет. Серега – два с половиной, остальные от года до двух. Это был полный триумф правоохранительной системы. Следствие и суд широко освещались в прессе.

Так все для Рогачева закончилось – бокс, учеба, свобода и Лена Михайлова. Но лишь разлука с любимой придавала случившемуся ощущение катастрофы. Серегу допрашивали следователи, а он вспоминал последнюю встречу с Леной, вкус той черешни и ее поцелуев. Его пытались обломать урки в СИЗО, а он, круша их челюсти, думал о том, что, может быть, девушка еще для него не потеряна. Даже свой приговор Рогачев выслушал с закрытыми глазами. Так ему было легче представить лицо Михайловой.

Лишь выбравшись из камеры СИЗО в колонию общего режима, Серега стал понемногу выпутываться из паутины мыслей о Лене. От этих бесконечных дум отвлекала работа на промзоне – Серегин третий отряд собирал детские фильмоскопы. В свободное время Рогачев устраивал пробежки по окруженному металлической сеткой зоновскому стадиончику размером с хоккейную коробку, висел на турнике да 32-килограммовую гирию тягал. Был на зоне и маленький спортзал. Но не для всех. Его с разрешения администрации оборудовал старшинский актив, состоявший из таких же, как Серега, бывших спортсменов, ставших рэкетирами. В коло-

нии они объединились в так называемую «олимпийскую команду». Администрация с ее помощью контролировала остальных эков. Как только Рогачев заехал на зону, с ним сразу пожелал встретиться главный бугор-«олимпиец» – накачанный до безобразия культурист Рыжиков по кличке Огонь. Он с ходу предложил Сереге вступить в «олимпийскую команду»:

– Будем вместе зону держать. Сейчас важный момент наступает. К нам скоро пригонят большой этап – человек сто – с «черной» зоны из-под Ростова. Ее расформируют. Ростовские начнут здесь мутить, нам надо поставить их в стойло. К тому же твой третий отряд – слабое звено. Там был сильный старшина, но недавно пацан один с малолетки в него ночью пику воткнул. Хочешь, мы тебя старшиной в «трешке» сделаем?

Рогачев усмехнулся:

– Спасибо за предложение, но мне это не нужно.

Огонь неприятно сощурился:

– Почему?

– Потому что я зону держать не хочу.

Он еще в СИЗО твердо решил отмотать положенный срок, не якаясь ни с блатными, ни с козлами-старшинами, и выйдя на волю, начать жизнь с чистого, честного листа. Серега загадал сам себе, что только так сможет вернуть Лену Михайлову.

– Мужиком простым хочешь срок отходить? Тебе сошкой быть нравится? – продолжал допытываться Огонь.

– Называй как хочешь. Только меня в стойло ставить никому не советую.

Огонь недобро сверкнул на Серегу глазами и произнес:

– Ну, как знаешь.

Старшиной в третьем отряде был штангист Куревлев. Но реально он не обладал никакой властью. Отряд состоял из нескольких группировок-семей, среди которых, помимо блатных, выделялись «камышы» (зэки, прибывшие из Камышина), «волжане» (выходцы из города Волжский), «трактористы» (все, кто каким-то боком имел отношение к Волгоградскому тракторному заводу) и «казаки». Серега прикнул к последним. Было «казаков» всего пятеро – помимо Рогачева, в семью входили: бывший десантник, отслуживший в Афгане и даже награжденный там медалью «За отвагу», волгоградец Михаил Дрозд, которого все звали Михалычем, тракторист из станицы Вешенской, здоровенный двухметровый бугай Паша Сизый, житель Пскова Костя Есаулов и учитель из Урюпинска Петр Курбатов.

Дрозд получил срок за попытку изнасилования. Паша Сизый по пьянке угнал и разбил милицейский уазик. Есаулов сколотил на Псковщине устойчивую преступную группировку, грабившую водителей-дальнобойщиков. Но на зону загремел не за эти геройства, а за пьяную драку в родной станице Березовской, куда приезжал проведать родных. Повздорил в клубе на танцах с местным комсомольским вожаком и пырнул того розочкой из-под портвейна «Агдам». Ну а учитель истории Курбатов погорел на каком-то мелком мошенничестве с чеками «Урожай». Благодаря учителю все пятеро и сбились в кучу. Курбатов был фанатиком казачьей истории, а остальные – потомками казаков, зажигательные речи учителя разворошили в них дремлющие национальные чувства.

– Подлинная история казачества всегда переиначивалась или замалчивалась. Это продолжается и по сей день! – вдохновенно восклицал учитель.

Слушать его можно было часами. Курбатов сыпал диковинными фактами, которые на зоне было невозможно подтвердить или опровергнуть.

– В свержении Петра Третьего и возведении на престол Екатерины Второй была задействована Сотная команда казаков для секретных дел – казачий спецназ того времени, – заявлял Курбатов. И рассказывал об этом неизвестном спецназе.

– Именно казаки в войне 1812 года вынудили Наполеона покинуть Москву, – с торжественным видом сообщал учитель, и собравшиеся зэки слушали историю о странном ночном бое на реке Чернишне, когда десять казачьих полков разгромили корпус маршала Мюрата.

– Только один казачий полк генерал-лейтенанта Иловайского в ту войну взял в плен трех вражеских генералов, 350 офицеров, 10000 низших чинов и захватил 12 знамен. Вот как воевали наши предки! – восторгался Курбатов.

Но учитель был не только ходячей казачьей энциклопедией. Он был помешан на национальной исключительности казаков.

– Если бы не казаки, не было бы после Октябрьской революции никакой гражданской войны! – провозглашал он. – Потому что на самом деле шла война межнациональная – война казаков против евреев и русских.

Сомневающимся Курбатов советовал почитать «Тихий Дон» или взглянуть на состав красных и белых войск. У Деникина было три армии – Донская, Кавказская и Добровольческая. По словам учителя, первая состояла из донских казаков, вторая – в подавляющем большинстве из кубанских и терских, а третья – частично из казаков, а частично из дворян-офицеров, юнкеров и пленных красноармейцев. За красных же в основном воевали русские крестьяне и рабочие под руководством комиссаров-евреев.

– Русский народ шел за большевиками, потому что те им землю пообещали, – объяснял Курбатов. – Белым же, кроме казаков, и опереться-то было не на кого. И не зря казаки стали первым репрессированным народом в советской истории. Был народ, он гремел на весь мир. Казаков все боялись – турки, татары, французы, чечены, а еще кремлевские правители – от русских царей до еврейских большевиков. Но теперь этого народа почти уже нет. Казаки превратились в обычных колхозников. Вывели нашу породу на корню. Целая вселенная сжалась до маленькой точки. Разве не обидно? Не противно? Не страшно? Да на каждом из нас – такая ответственность, что героическим предкам даже не снилась! Мы последние из могикан, последние живые троянцы на руинах поверженной Трои. Не исчезнуть, не выродиться – намного труднее, чем победить.

Петр Курбатов видел только один способ сохранить казачество как нацию – брать пример с евреев или кавказских народов, организовать внутри официального государства свое неформальное, основанное на собственных законах, которые для каждого казака были бы важнее государственных.

– Нам, казакам, нужно друг за дружку держаться, – понизив голос, подводил всегда Петр Курбатов итог своим историческим откровениям. – Здесь, на зоне, на воле – везде. Если казак добился в жизни успеха, он должен тут же поделиться этим успехом с другими казаками, тащить их за собой, обрастать ими. Если казак оказался в беде, другие должны немедленно прийти ему на помощь, не особо интересуясь, прав потерпевший или виноват. Сегодня поможешь ты, завтра помогут тебе. И от этого все казачество будет только сильнее.

Ну а поскольку государственные законы в такой схеме вторичны, то главную роль в казачьем возрождении Курбатов отводил криминалу – казачьей мафии, которую еще предстояло создать по примеру мафии итальянской. Эту идею учитель

истории буквально вдалбливал в головы своих слушателей. И Рогачев с каждой курбатовской лекцией все больше ею проникался.

Ростовский этап прибыл через месяц. Вместе с ним на зоне появился вор в законе Жора Ереванский, прихваченный ментами на наркоте и осужденный на два года. Серега и не подозревал тогда, что этот крупный лысый пожилой еврей сыграет в его жизни ключевую роль.

Вокруг Жоры сразу началось лихорадочное брожение. Его то и дело водили на беседы к начальнику колонии. Содержание этих разговоров было никому неизвестно. Ереванского определили в четвертый отряд. Едва он там появился, сразу был окружен заботой местных блатных. Жору торжественно проводили в угол на самую почетную койку. Утром, протерев глаза ото сна, вор в законе увидел возле кровати новые до блеска начищенные сапоги, а на тубаре – белую футболку и черный милустиновый костюм. И уже накрыт был стол, где ждала Жору фарфоровая посуда, а в ней – югославская ветчина с горчицей, финский сыр «Виола», кофе со сгущенным молоком, мягкий белый хлеб...

Но Жора не стал надевать дареные сапоги и костюм, не стал садиться к столу. Он напялил свою пыльную этапную робу и устроил местным гостеприимным жуликам что-то вроде экзамена. Начал расспрашивать о порядках, царящих на зоне, и выяснять, насколько правильной жизнью они живут. Их рассказ не показался ему убедительным. Ереванский обозвал принимающую сторону автоматными рожками, холуями ментов и попросил сдრиснуть подальше с его честных глаз.

На следующий день Жору посадили в ШИЗО. В ответ часть ростовчан тут же объявила голодовку. На усмирение пришедшей братвы бросили «олимпийскую команду». Качки-старшины по 10—15 человек ходили по отрядам и гасили самых активных смутьянов. В первый отряд «олимпийцы» ворвались внезапно. И уже через десять минут оттуда в сторону медсанчасти вынесли на носилках четырех человек. Во втором отряде нападения ждали, и поэтому там побоище длилось почти полчаса. Старшинам пришлось биться с организованной группой смутьянов, превосходившей их численно. Но они вновь одержали верх. Не только благодаря своему здоровью и бойцовским навыкам, но еще благодаря самодельным панцирям и шлемам, изготовленным на промзоне из кусков листового железа. Они надежно защищали от заточек и пик, которые пытались пускать в ход обороняющиеся.

А вот в третьем отряде «олимпийцы» победить не смогли. На их пути встал Рогачев. Когда непрошеные гости ворвались в их барак, он, как ужаленный, подскочил со своей койки и оказался лицом к лицу с предводителем старшин – Рыжиковым, упакованным в самодельные латы и сжимавшим в руках какую-то увесистую железяку. Серега был безоружен. Но его взгляд метал молнии в культуриста. И тот смутился. Вместо того, чтобы действовать решительно, Рыжиков вступил с Рогачевым в переговоры:

– Отойди. Мы ростовских замутчиков пришли наказать.

Но Серега не посторонился.

– Мы их сами, если надо будет, накажем. Это не твой отряд, – медленно произнес он, буравя глазами Огня. А за спиной Рогачева уже собиралась группа поддержки. Помимо ростовских, вокруг него сгрудились все «казаки» – слева подпер плечом бывший десантник Михалыч, справа возвышался горой Паша Сизый. У обоих в руках были тубари. Серега даже слегка кайфовал от этой ситуации. Началось привычное адреналиновое опьянение. Он сам себя взнуздывал, его голос становился все громче.

– Хотите выяснить, кто круче, выходите с ростовскими на центряк и бейтесь. Мне плевать на Ереванского, плевать и на оперчасть. Ты пришел ко мне в дом с оружием. Значит, ты для меня враг, – при этих словах Рогачев обвел взглядом своих сторонников. Их стало еще больше. Теперь за его спиной толпились и «камышы», и большая часть «трактористов», и даже двое отрядных «обиженных»... Только блатные «отрицалы» остались сидеть на койках с кривыми улыбками.

Вдохновенный увиденным, Рогачев решил перейти за грань.

– Вон отсюда! – гортанно выкрикнул он, брызнув слюной в лицо Огню. Глаза врага блеснули обреченной отчаянной злостью. Он резко выбросил вперед руку с прутом, но Серега опередил его на долю секунды, погасив злость врага в самом зародыше – нанес Рыжикову сокрушительный удар в подбородок. Он вложил в него всю ненависть, весь свой зашкаливавший адреналин. Главный козел отлетел от Серегоного кулака метра на полтора. Сильно стукнувшись затылком о пол, он потерял сознание. На несколько секунд установилась полная тишина. Возникло какое-то коллективное чувство неловкости. Потом «олимпийцы» подхватили на руки своего поверженного вожака и молча покинули помещение. Это был звездный час Рогачева.

После этого поражения культуриста Рыжикова старшины-качки перестали ходить по отрядным баракам. Но тут же случилась другая история.

В подвал первого отряда привезли бочку с клеем БФ-6. Это было странно. Раньше за кружку такого клея, найденного у зэка, его без разговоров сажали в ШИЗО. Потому что БФ-6, разведенный с водой, при употреблении внутрь вызывает не столько алкогольное, сколько причудливое химическое воздействие на мозги. А тут вдруг целая бочка почти в свободном доступе. Ее быстро вскрыли. Клей разнесли по отрядам. Зона неуклонно пьянела. Между зэками начали вспыхивать жестокие разборки. В том числе и в третьем отряде. Но Серега, ставший в одночасье главным отрядным авторитетом, эти разборки кулаками решительно пресекал. Местные блатные тут же пустили по зоне слух, что Рогатый беспредельничает – много на себя берет. Серега кожей чувствовал, как к нему, недавнему отрядному герою, меняется отношение – он уже весь был исколот колючими пьяными взглядами. С ним остались одни «казаки».

Зона закипала. Энергия отравленных клеем мозгов, сперва направленная друг против друга, уже на следующий день слилась в единый поток и выплеснулась на администрацию колонии. Перед отбоем, во время вечерней переключки, ростовский зэк Акмамедов вышел на центряк и прямо при дежурных прапорщиках и офицерах стал вскидывать вверх кулак и орать разные лозунги, суть которых сводилась к одной простой мысли: администрация стравливает ростовчан с волгоградцами. Акмамедова тут же попытались скрутить. Но на его защиту хлынула толпа одурманенных зэков. Оперработники начали стрелять в воздух. В них полетели выкорчеванные из клумб кирпичи и разные предметы тюремного быта. Офицеры драпанули к административному корпусу. Отрядные старшины тут же, не сговариваясь (видно, у них на этот случай давно уже был выработан план), кинулись к своему спортзалу и заперлись в нем. Все произошло так стремительно, что зэки на плацу долго не могли понять, что дальше делать. Они орали, бестолково бегали группами туда-сюда. Потом устроили митинг. Озверевшая толпа требовала крови «олимпийской команды». Рогачев и все «казаки» демонстративно покинули сборище и пошли назад в свой отряд. Толпа тем временем осадила спортзал – убежище старшин. Пыталась его поджечь. Но часовые с вышек открыли по плацу огонь из автоматов. Зэки бро-

сились врассыпную. Потом хлынули в клуб. Этот очаг культуры стал штаб-квартирой пьяного бунта.

Под утро прибыл тюремный спецназ со щитами. Встал стеной вокруг клуба. Бунтовщики из окон швыряли в бойцов разломанные деревянные стулья. «Сформулируйте ваши требования!» – прокричал начальник колонии в мегафон из-за спецназовских спин. И этой просьбой застал всех врасплох. После некоторого замешательства зэки начали орать каждый свое. Одним требовалось свидание с женой, другим – свободные выборы отрядных старшин, третьим – пересмотр его уголовного дела... Но несколько голосов с упорством выкрикивали одно и то же: «Свободу Жоре!» Складывалось впечатление, что это требование и было главным.

Привели Ереванского. Он вошел в клуб под восторженный вой. А потом начались утомительные переговоры... Они длились почти двое суток. Все это время бунтовщики оставались в клубе и продолжали пить клей. А потом его запасы закончились, протрезвевшие зэки сами начали расходиться по отрядам. И уже на следующий день снова вышли работать в промзону. Тогда-то и случилось переломное событие в судьбе Рогачева.

В тот день они с Курбатовым не ходили на работу, оставались в отряде вдвоем. Учителя назначили дневальным, а Серега накануне чем-то отравился в столовой – у него поднялась температура, и он взял освобождение в санчасти. Валялся на койке в ознобе, укрывшись с головой одеялом. Поэтому не заметил, как в барак вошли двенадцать блатных с арматурами в руках.

Когда его стали молча избивать арматурами, Серега попытался сбросить одеяло и вскочить. Но в этот момент об его голову сломали тубарь... Когда Рогачев пришел в себя, он лежал на полу и не мог пошевелить руками. Они были сзади туго примотаны к ножке кровати. Его глаза плохо видели. Но он смог рассмотреть гадкую сцену. Метрах в десяти от него фаршмачили учителя Курбатова. Его положили животом на тумбочку дневального. И один из «правильных пацанов» совал ему в задний проход арматуру. Это были не вновь прибывшие ростовские «отрицалы», а местные, из разных отрядов. Серега не мог поверить, что они решились на такое.

А потом настал его черед. Рогачев увидел над собой полукруг палачей. На их губах играли особенные улыбки. А у него не было сил сбить эти оскалы с их морд.

Фима Берг из пятого отряда, называвший себя козырным фраером, отделился от остальных, расстегнул ширинку и извлек из штанов свой коричневый обрезанный член.

– Целуй, падла, – сипло сказал он, слглатывая слюну. И неестественно раскорячившись, начал приседать над Серегой.

– Вам не жить после этого. Лучше убейте, – прошептали разбитые губы Рогачева.

Но член Фимы продолжал приближаться. Рогачев как замороженный смотрел на него, ощущал уже его запах. Через мгновение он коснулся бы его губ, и Серегина жизнь была бы закончена... Но в этот момент откуда-то из-за спин «отрицал» раздался голос: «Твари, стоять!!!».

Это был голос бога. Фима отпрянул. Полукруг разомкнулся. Голос бога принадлежал Ереванскому. За Жорой маячили несколько человек, но Серега не различал их лиц. Да и не разбирал больше слов. Ему в голову хлынул адреналин. Он понял, что заново родился. С этого дня он стал человеком Ереванского.

Уже вечером Жора навестил Серегу в медсанчасти. Говорил он. Рогачев только слушал.

– Я тебя спас потому, что ты другой, – сказал Ереванский. – Ты не из стада. Боксер, рэкетир, а в старшины не пошел. За наших ребят голодающих заступился – главкозла убрал, хотя никто тебя об этом и не просил. Когда все клея нажрались, драться в отряде не давал. Бунтовать с остальными не стал. Непредсказуемо поступаешь. Не как все. По-своему. По справедливости. Мы такие же. Тоже по ней живем, а не по закону. Потому что она и есть главный закон над людьми. А все эти кодексы, уставы и конституции чертями писаны. Сильные и умные придумали их для того, чтобы жить за счет слабых и глупых. Лишь попирая законы чертей, можно человеком остаться.

Сказав это, Жора замолчал и ушел в себя. Но потом вспомнил про Рогачева и продолжил философствовать:

– Против правильных человеков и черти бессильны. Почему власть ничего с нами, ворами, поделат не может? Потому что правда на нашей стороне, а у них, чертей, – только кнут. И они это знают, падлы.

Потом Жора вдруг встал и собрался уходить.

– Чует мое сердце, не будет меня скоро на зоне, – произнес он, внимательно глядя на Рогачева. – Но ребята мои здесь останутся. Ты к ним прислонись. И они тоже пусть рассчитывают на тебя, если что. Хорошо?

Сергеа кивнул.

...Сразу пятеро из двенадцати «отрицал», пришедших в третий отряд, добровольно «закрылись» в ШИЗО, требуя, чтобы их перевели в другую зону. Еще трое сознались в неизвестных преступлениях и их отправили в следственный изолятор. А остальные загнали себе под ребра иголки и были срочно вывезены в тюремную больницу. Так что Рогачеву, когда он через пять дней вернулся в отряд, оказалось и мстить некому.

В отряде произошли изменения. Учитель Курбатов перестал быть членом семьи «казаков». После того, что с ним сделали, он стал изгоем. По зонавским понятиям, Серега теперь даже не мог пожать ему руку. В этом случае он сам перешел бы в позорный разряд «обиженных», все равно, как если бы поцеловал член Фиме Бергу. При встрече с Курбатовым его рука дернулась машинально навстречу учителю, но Рогачев вовремя ее остановил. Это не укрылось от взгляда Курбатова. В нем была видна обреченность. Они несколько секунд просто стояли и смотрели друг на друга.

– Как ты? – задал Рогачев дурацкий вопрос.

– Хуже некуда.

– Прости, что не смог помочь тогда. Тебя больше никто здесь не тронет, – произнес Серега, отводя взгляд.

– Это теперь без разницы. Ты ничего мне не должен, казак, – ответил учитель. – Только не забывай всего того, о чем мы здесь много раз говорили.

– Не забуду, – пообещал Рогачев.

– И еще кое-что: не верь Ереванскому, – это были последние слова учителя. Сказав их, он вышел из барака.

Спустя час Курбатова нашли повешенным в одном из классов зонавской школы. Он примотал веревку к крюку для люстры на потолке. А на доске развесил учебные пособия – портрет писателя Михаила Шолохова и карту-схему гражданской войны на Дону. До выхода на свободу ему оставалось три месяца и три дня.

– Он говорил, что не будет в «обиженных» ходить. Все тебя ждал, – сообщил Рогачеву Паша Сизый, когда мертвого учителя вынимали из петли.

Ереванский как в воду глядел. Едва администрация полностью восстановила контроль над зэками, Жора был обвинен в организации беспорядков. Его вывезли в СИЗО для дальнейших следственных действий, и в колонию он уже не вернулся. Рогачев досидел срок без особых проблем.

Освободившись, первым делом поехал в Зеленоград. Пока он сидел, Лена Михайлова вышла замуж за своего институтского преподавателя и почти сразу родила тому дочь. Потом они вдвоем создали фирму, связанную с компьютерами.

Лена согласилась встретиться с Рогачевым, но нормального разговора не вышло. Михайлова (впрочем, теперь у нее уже была какая-то другая фамилия) пришла на свидание с коляской. В ней спала дочь, но Лена ее Сереге даже не показала. Еще его удивило, что из брюнетки она превратилась в блондинку.

– Помнишь нашу последнюю встречу? – спросил Рогачев.

– Да. Ты все-таки все испортил, – ответила Лена. – Зачем ты стал преступником?

– Мне нужны были деньги, чтобы ездить к тебе.

– Лучше бы ты и вправду вагоны разгружал.

А потом Лена будто с цепи сорвалась. Она кричала на Серегу. Плакала. Снова кричала. Рогачев в жизни бы не подумал, что его любимая может быть такой. Причина истерики была вызвана вовсе не нахлынувшими горькими воспоминаниями об их несостоявшейся любви. Оказывается, какие-то рэкетеры похитили мужа Лены и только на днях отпустили в обмен на недавно купленный «Опель Кадет». Сразу после освобождения супруг слег в больницу с многочисленными телесными повреждениями. Словом, Серега приехал в неудачный момент.

– Ты такой же подонок, как эти! Вы нормальным людям только ломаете жизнь! – оскорбляла Рогачева любовь всей его жизни.

Поток проклятий длился до тех пор, пока не заплакал ребенок в коляске. Лена, не попрощавшись, подхватила ее и покатила прочь. Она удалялась – теперь уже, кажется, навсегда. Так сильно, как в эту минуту, Рогачев ее никогда не любил. Его любовь умножалась отчаянием. Хотелось броситься следом, найти какое-то одно нужное слово, прокричать его, как тогда, на вахте в общежитии, и остановить, вернуть Лену. Но Серега не сделал ни того, ни другого. Он отвернулся, чтобы не видеть, как Михайлова заходит в подъезд. Он даже закрыл глаза ладонями, чтобы заплакать, но слез не было...

Это было поражение. Первое его настоящее поражение в жизни. Даже в боксе он ни разу не побывал в нокауте – все немногочисленные проигрыши на ринге были у него по очкам. Даже зону с тюрьмой Рогачев, выйдя на свободу, воспринимал испытанием, которое он выдержал с честью – за эти два с половиной года ему открылся реальный мир, в то время как миллионы людей жили в мире придуманном. Серега теперь часто мысленно представлял себя зверем, каким-нибудь матерым волком. Он выбрался из всех капканов, в которые его загоняла жизнь. Он шел от победы к победе, каждая из которых была весомее и невероятнее предыдущей. Вот и в Зеленоград он ехал за новой, невероятной победой. Верил, что сможет вернуть себе Лену Михайлову. И проиграл. В первом же раунде.

Рогачев пошел в парк, хотел посмотреть на тот самый пригорок, где они с Леной когда-то целовались и ели черешню. Но не нашел его. Сколько ни бродил берегом «кровавой» речки, так и не встретил переброшенных через нее мостков. Под ноги Сереге попала большая лягушка. «Что, не дождалась своего Ивана-царевича?!» – молвил он и с мстительным наслаждением раздавил лягушку ботинком.

Освободившись, Рогачев с Михалычем сколотили новую бригаду. Казачью. Из бывших десантников и спортсменов. Поначалу работали на себя. Но в 1990 году по решению воровской сходки в Волгоград после отсидки перебрался на жительство Жора Ереванский. И бригада Рогачева стала действовать в его интересах. За каких-нибудь пару лет Ереванский стал самым серьезным человеком в городе. Он перестрелял, перевзрывал, перерезал половину волгоградских бандитов, убедив оставшихся уважать воровской мир. А рогачевские ребята были у Дяди Жоры чем-то вроде диверсионной группы. Часть из них еще по армии была хорошо знакома с военным делом. Для закрепления навыков рогачевцы в 1992 году выезжали на войну в Южную Осетию. Привезли оттуда оружие и взрывчатку. Но главная цель поездки, которую Рогачев никому не раскрыл, была все же другая. Серега комплексовал от того, что, возглавляя группировку крутых парней, сам он еще никого в своей жизни не грохнул. Ему хотелось по-настоящему освоить это важное дело.

Все осетинские полевые командиры, защищавшие Цхинвал, были связаны с криминалом. Через общих знакомых удалось договориться о приезде в осажденный грузинами город добровольцев из Волгограда.

Рогачеву понравилось на войне. Это был настоящий праздник адреналина. В обезлюдившем Цхинвале свист пуль над головой прерывался лишь умиротворяющим пением птиц. Тротуары были усыпаны сбитой зеленой листвой. Каждый вечер «грады», «шилки», «алазани» озаряли небо почти праздничным фейерверком. Горный воздух, домашнее вино и чувство опасности придавали всему происходящему неповторимый букет.

...Что в уличном, что в лесном бою главным разочарованием для Рогачева была неизвестность – засекли огневую точку противника, начали бить по ней, выстрелы прекратились, но это не значит, что враг погиб. Может, он только ранен, или просто сменил позицию, отступил. Даже после недели боев Серега не был уверен, что кого-то убил. И от этого злился.

Однажды ночью они поднялись по склону горы на окраину грузинского села Авневи. Затаились возле красивой маленькой церкви. В ней размещалась группа грузинских гвардейцев. Утром, когда гвардейцы сели завтракать за стол под навес, Серега с товарищами закидали их гранатами. Гвардейцы лежали в лужах молока, пролитого из разбитых кувшинов. И Рогачев снова не знал, есть ли в их смерти его прямая заслуга. Но, на его счастье, один из гвардейцев вдруг ожил. И, оставляя за собой молочно-кровавый след, пополз к церкви. У входа в нее Серега радостно настиг раненого, и со словами: «Этот точно мой!» – выстрелил ему в спину. Раненый дернулся, поднял голову, и Рогачев с удивлением увидел, что гвардеец был русским.

– Ты почему здесь? – растерянно спросил Серега.

– Не убивайте, пожалуйста, – выдал из себя гвардеец запоздалую просьбу и захлебнулся собственной кровью. Умоляющий, умирающий взгляд этого первого убитого им человека еще долго в тот день преследовал Серегу. Поэтому сутки спустя, застрелив своего второго врага и стоя над ним, Рогачев испытал двойной кайф. Во-первых, от того, что сделал это собственноручно. Во-вторых, от того, что убитый оказался грузином.

Всего на этой войне Рогачев убил шестерых. Ему понравилось забирать жизни. Он от этого будто становился сильнее. Он все больше ощущал себя не человеком, а зверем. Причем не обязательно хищником. Окапываясь под обстрелом, представлял себя кротом, а, ведя ночной бой, – летучей мышью, порхающей меж трассеров.

Рогачев лишний раз убедился, что все в своей жизни делает правильно. Война оказалась насквозь пропитана криминалом.

С обеих сторон воевали наемники и целые отряды мародеров, грабившие не только чужие села, но и свои. Много интересного рассказали военнослужащие российских частей, дислоцированных в Южной Осетии или в приграничных с ней грузинских районах. Саперы поведали Сереге, как за деньги по приказу начальства разминируют огороды, танкисты – как за деньги списывают технику на боевые потери, а начштаба Цхинвальского вертолетного полка – о том, как за очень большие деньги, занесенные грузинами кому-то в российском правительстве, их полк, мешающий захвату Южной Осетии, в ближайшее время будет выведен из Цхинвала и расформирован.

«Криминал снизу доверху. Всякий, кто не дурак, сегодня делает деньги, – решил Рогачев. – Люди, как и животные, разделились на хищников и травоядных. Почему же я должен быть парнокопытным лохом, соблюдающим законы, и слабым, не умеющим убивать?»

Этот вопрос он не раз задавал самому себе. И даже не столько себе, сколько Лене Михайловой. На войне он мысленно продолжал разговаривать с ней. Укорял: «Не дождалась, не поняла, не простила». Обещал: «Назло тебе выживу здесь. Назло тебе стану крутым, богатым, счастливым».

Возвратившись из Южной Осетии, рогачевцы провели на улицах Волгограда против врагов Жоры Ереванского несколько образцово-показательных операций. В один день в разных концах города подняли на воздух сразу четыре машины, принадлежавшие отмороженной камышинской братве. В другой раз обстреляли из гранатометов загородный дом криминального авторитета Ушастого. Сам он в этот момент парился в баньке. Услышав взрывы снаружи, Ушастый выскочил из парной и бегал по двору возле горящего дома в чем мать родила. Михалыч даже успел его голого сфотографировать. Эта фотка потом по совету Дяди Жоры была отдана в редакцию газеты. Там ее опубликовали на первой полосе под рубрикой «Красный петух». Рубрика взбесила рецидивиста Ушастого гораздо больше, чем обстрел дома. В редакции не учли, что на зоне петухами зовут педерастов, и потом замучились с Ушастым судиться.

Дважды по Жориному указанию устраивались акции устрашения против алчных волгоградских ментов. Люди из управления по борьбе с оргпреступностью попытались обложить данью каких-то крупных торговцев – давних дружков Ереванского. Сначала рогачевцы установили за милиционерами слежку. Выяснилось, что те неправильно используют одну из конспиративных квартир – водят туда девочек. Жора отрядил в распоряжение Сереги толкового домушника. Проникнув в квартиру, они наставили там «жучков» и вернулись с важным известием – оказывается, в обычном двухкомнатном жилище на третьем этаже хрущевки менты оборудовали бассейн. Над бассейном – зеркальный потолок. Удар по милицейскому престижу был нанесен в тот момент, когда один из рубоповских начальников привел на квартиру двух агентесс. Едва они втроем погрузились в бассейн, как рогачевские ребята снаружи закинули в окно бутылку с горючей смесью. Квартира вспыхнула мгновенно, так как ее стены были обклеены легковоспламеняющейся звукоизоляционной плиткой. Голый рубоповец сиганул из окна. Девиц, задохнувшихся угарным газом, нашли на дне бассейна. Прибывшие на место происшествия пожарные обнаружили также табельный пистолет рубоповца и его не до конца обгоревшее служебное удостоверение. Приехала комиссия из Москвы и всех местных рубоповских начальников поснимала.

В другой раз тех же Жориных дружков начали напрягать милиционеры рангом пониже – парочка обнаглевших обэповцев из РОВД. Их отловили каждого по отдель-

ности вечером после службы. Вывезли за город с завязанными глазами, выпороли, обрили наголо, а потом Нукзар Ломакидзе – правая рука Ереванского – самолично их заклеил: выжег на милицейских ягодицах надпись «Я мусор». Нукзару нравилось заниматься такими делами. Рассказывали, что он – большой любитель садомазохизма. Что весь его член покрыт шрамами, поскольку сексуального удовлетворения Нукзар достигал лишь после того, как очередная партнерша делает ему скальпелем надрез на пенисе. Ломакидзе был верным псом Ереванского. Поговаривали, что на одной из поволжских пересылок Жора спас его от какой-то беды. Нукзар часто повторял: «Я готов Жорины плевки слизывать с асфальта». Эта фраза всякий раз заставляла Рогачева внутренне содрогаться – Нукзар чем-то напоминал его самого. Ведь он тоже встретил Жору на зоне и тоже был ему обязан спасением.

Ереванский давал Серегиным людям кормиться от крышевания. Требовал лишь свой необременительный процент. Рогачев и оглянуться не успел, как стал широко известным в узких кругах криминальным авторитетом. Он снова шел от победы к победе. И уже соперничал славой с самим Ереванским. Вот только в последнее время стал уставать.

Первый приступ непонятной усталости у него случился в день их последней встречи с Леной Михайловой. Едва сел он в такси, на котором должен был ехать из Зеленограда в Москву, как его силы покинули. Ноги одеревенели. Навалилась прежде незнакомая тяжесть. Серега всю дорогу проспал. Выйдя из машины у Павелецкого вокзала и добравшись до первой скамейки, снова отрубился. Проснулся только за полчаса до отправления своего поезда.

С тех пор приступы усталости то и дело настигали его. Он мог быстро заснуть в самых неподходящих местах – в ресторане, в туалете, за карточным столом в казино. Спасался амфетамином. Наркотик хорошо помогал, вот только усталость иногда наступала стремительнее, чем Серега успевал проглотить таблетку. Да и всегда носить с собой наркоту при его роде занятий было опасно. Рогачев боялся однажды уснуть на скорости за рулем или на женщине во время секса.

Женщин в последние годы в его постели перебивало немало. Он и здесь шел от победы к победе. Но ни одна из партнерш не смогла его заставить выбросить из головы Лену Михайлову. В отместку за ту старую боль Рогачев мучил всех этих женщин. Не физически, а морально. Он первым бросал их в самый неожиданный момент – на пике отношений. Серега кайфовал, причиняя партнершам, да и себе самому внезапную боль. То и дело ловил себя на мысли, что если так дальше пойдет, он станет похож на садомазохиста Нукзара. От этой странной болезни его вылечила Анна Бланк.

Их свел не кто-нибудь, а Жора Ереванский.

– Вот, познакомься. Журналистка, – не без гордости представил Анну вор в законе. – Уже несколько дней берет у меня интервью. Анонимное. Я думаю, ты тоже мог бы ей чего-нибудь рассказать.

Рогачев не видел в этом ни малейшего смысла, но сказал: «Не вопрос». Анна же странно вскинула на него глаза и потом несколько раз еще бросала на Серегу непонятные взгляды.

– Дядя Жора много о тебе рассказывал, – произнесла она, когда Ереванский куда-то вышел, и они остались вдвоем. – Ты правда казак?

Да, казак. А для тебя это имеет какое-то значение?

Имеет. Моего прадедушку по маминой линии казаки убили.

Серега растерялся и не знал, что на это сказать. Но Анна, кажется, и не ждала от него никаких слов.

Он в Гражданскую войну здесь, в Царицыне, воевал. Его отряд в плен попал. Казаки всех отпустили, только прадедушку казнили, потому что он комиссаром был. Я еще в детстве об этом узнала – так жалела его. У прадедушки вместо фамилии был партийный псевдоним – Марк Пурпурный. Не слыхал?

– Откуда? – удивился Серега.

Анна Бланк отдалась ему уже на третий день их знакомства, на его съемной квартире – прямо во время интервью о преступном мире Волгограда. Она так разожгла Серегу, что в какой-то момент тот даже перестал себя контролировать. Начал лупить Анну по заднице, хотя раньше ничего подобного себе в сексе не позволял. Та в ответ впила ему ногтями в живот. Серега вывернул ей руку. Анна свободной рукой ударила его по лицу. Они били и кусали друг друга до тех пор, пока одновременно не испытали оргазм и, обессиленные, не рухнули на пол. Рогачев даже на несколько секунд отключился. А когда пришел в себя, понял, что секса лучше у него еще не было.

Анна, похоже, испытывала нечто подобное. Она позвонила в редакцию и взяла отпуск за свой счет. Всю последующую неделю они были потеряны для внешнего мира. Почти беспрестанно занимались любовью, для быстрого восстановления глотали Серегины таблетки.

С этой женщиной Рогачев уносился на другую планету. Его сознание раскрепощалось. А всякий раз после секса Анна щекотала ему ухо своими стихами. Красивые рифмы наполняли высоким, торжественным смыслом те безумства, которым они оба предавались несколько минут назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.